

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

4/2015

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

к. ю. н., доц. **О. Г. Алексеева**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; к. ю. н., доц. **М. В. Гончаров**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; к. ю. н., доц. **Ю. В. Козубенко**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **В. В. Круглов**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; к. ю. н., доц. **С. Д. Милицин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; к. ю. н., доц. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Старилов**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief — **I. V. Fedorov** (candidate of law, associate professor)

O. G. Alekseeva (candidate of law, associate professor); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, associate professor); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, professor); **O. G. Geymur** (candidate of law, associate professor); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, professor); **M. V. Goncharov** (candidate of law, associate professor); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, professor); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, associate professor); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, professor); **S. V. Kodan** (doctor of law, professor); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, professor); **Yu. V. Kozubenko** (candidate of law, associate professor); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, professor); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, professor); **V. V. Kruglov** (doctor of law, professor); **T. E. Loginova** (candidate of law, associate professor); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, professor); **S. D. Militsin** (candidate of law, associate professor); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, professor); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, professor); **D. V. Osintsev** (candidate of law, associate professor); **P. Policastro** (professor) (Poland); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, professor); **O. N. Rodionova** (candidate of law, associate professor); **R. K. Rusinov** (candidate of law, professor); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, professor); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, professor); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, professor); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, associate professor); **A. Trunk** (doctor of law, professor) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, professor); **Huang Daoxiu** (professor) (China); **P. Schoukens** (professor) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.
E-mail: ruzh@usla.ru, ruzh93@hotmail.com.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Чупина Г. А., Шерпаев В. И. (Екатеринбург)

Цивилизационная идентичность России:
проблема культурно-генетического кода 5

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Осинцев Д. В. (Екатеринбург) Административная ответственность:

юридическая конструкция и реалии юридической практики 19

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Смыкалин А. С. (Екатеринбург) Юридическое образование в СССР

в годы Великой Отечественной войны 39

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

Chupina G. A., Sherpaev V. I. (Yekaterinburg) Civilization identity of Russia:
the problem of a cultural and genetic code 5

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

Osintsev D. V. (Yekaterinburg) Administrative liability:
the legal construction and the reality of legal practices 19

PAGES OF HISTORY

Smykalin A. S. (Yekaterinburg) The issues of the legal education
development in the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945) 39

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ:
ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА****Чупина Галина Алексеевна**Доктор философских наук, профессор (Екатеринбург),
e-mail: vzhc@mail.ru**Шерпаев Владимир Иванович**Кандидат философских наук, доктор политических наук,
профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: sherpaev@list.ru

Сделана попытка проанализировать системообразующие начала российской цивилизации: ее генотип и социокультурный код. Российский генотип – первоструктура интеграции индивидов в социум. Он связан с крестьянской общиной, которая находит свой духовный и социальный аналог в православной общине (Церкви) и в полиэтнической общности вер и культур народов, населяющих север Евразии. Социокультурный код России – исходная мотивационно-смысловая структура детерминации человеческого поведения. Имеет два уровня: культурно-генетическое ядро (первосмыслы православия) и социокод (базовые архетипы российской социальности).

Ключевые слова: идентичность, цивилизация, генотип, культурно-генетический код, социокод, община, православие, евразийство, суперэтнос, Коллективное спасение, Всеединство, Соборность, Общее дело

**CIVILIZATION IDENTITY OF RUSSIA:
THE PROBLEM OF A CULTURAL AND GENETIC CODE****Chupina Galina**

(Yekaterinburg), e-mail: vzhc@mail.ru

Sherpaev Vladimir

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: sherpaev@list.ru

The authors analyze two systemically important fundamental principles of Russian civilization – a genotype and a sociocultural code. The Russian genotype is a supreme structure of integration of individuals into society. It is associated with the peasant community, which has its spiritual and social counterpart in the Eastern Orthodox community (the Church) and in a multi-ethnic community of nations, faiths, cultures of the North Eurasia. The sociocultural code of Russia is an original motivation and semantic structure of human behavior determination. It has two levels: a cultural and genetic nucleus (supreme senses of Eastern Orthodoxy) and social code (basic archetypes of Russian sociality).

Key words: identity, civilization, genotype, cultural and genetic code, social code, community, Eastern Orthodoxy, Eurasianism, super ethnoses, Collective Salvation, All-encompassing Unity, Conciliarism, Common Cause

Идентичность – компонент самосознания социального субъекта (индивида, общности), в котором выражена его Самость, *индивидуальная целостность*, отличающая его от других аналогичных субъектов. Она не задана изначально, она *строится* в процессе его идентификации (отождествления) или различения «своего» и «чужого». В результате в самосознании данного субъекта формируется категориальная структура (систе-

ма значений: качеств, норм, правил), называемая «Я-концепция», в которой обобщаются не только историческая самобытность, но и непрерывность бытия субъекта, преемственность¹.

Когда говорят о цивилизационной идентичности общества, то, по-видимому, предполагают нахождение его *системного образа* (цивилизационной модели) и выделение *системообразующего основания*, устанавливающего целостность материальной и духовной жизни людей в данных пространственных и временных границах. Как подчеркивает Г. Г. Дилигенский, современная наука пока «не обладает методологическим инструментарием, позволяющим выделять сущностные, определяющие параметры цивилизационных комплексов. В лучшем случае мы умеем описывать конкретные цивилизации, но не знаем, в чем состоят их системообразующие основания. Самая трудная проблема, очевидно, и заключается в том, чтобы найти тот интегрирующий принцип, который цементирует цивилизационную общность, пронизывает все уровни и аспекты жизни людей... принадлежащих к данной цивилизации»².

Г. Г. Дилигенский считает, что указанный принцип должен быть связан с «человеческим измерением» цивилизационного социума, с поисками того, что реально объединяет людей в некий «социальный порядок», с одной стороны, задавая «императив интеграции... общества в единый функционирующий организм», с другой – определяя систему мотиваций (на сознательном или подсознательном уровне), позволяющую людям понимать цели и смыслы совместной деятельности³. Иначе говоря, целостность цивилизационных комплексов обусловлена некоторыми *глубинными структурами самодетерминации* социального поведения. Первичную *структуру интеграции* индивидов в социум условно назовем *генотипом*, а исходную *мотивационно-смысловую структуру* детерминации человеческого поведения – *социокультурным (цивилизационным) кодом*.

Понятия «генотип» (наследственная первоструктура) и «код» (система сигналов для передачи информации), пришедшие из специальных областей знания, ныне приобрели общенаучный статус. Применительно к цивилизационной проблематике их обычно употребляют как неопределяемые⁴. Тем не менее они значимы для разделения локальных цивилизаций на два основных типа:

1) *традиционный*: его генотип определяется формами жесткой привязки индивида к *группе* (сельской или городской общине, этносу или сословию), а социокультурный код – сакрализованной *традицией*, обуславливающей логику воспроизводства и сохранения устойчивых условий жизни;

2) *техногенный*: его генотип связан со способами включения индивида в *технэ* (деятельность по умножению знаний и изобретению нового), а культурно-исторический код структурируется посредством *ratio*: развертывания научно-технических технологий в систему ценностей для овладения природой и подчинения реальности человеческим целям⁵. Конкретизация указанных идей представляет актуальную проблему для отдельных (локальных) цивилизаций. К их числу относится и Россия. Только в XX в. она пережила два цивилизационных кризиса, а ее цивилизационная идентичность в течение двух последних столетий является предметом неутраченных дискуссий.

¹ Чупина Г. А., Шерпаев В. И. К проблеме национальной идентичности: опыт понятийно-категориального анализа // Беларусь – Россия: патриотизм и безопасность в союзном государстве / под ред. В. А. Азаренка, А. Н. Головиной, В. И. Шерпаева. Екатеринбург, 2014.

² Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопр. философии. 1991. № 3. С. 31.

³ Там же С. 32.

⁴ Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002. С. 36.

⁵ Степин В. С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 13.

Хотя понятием «код цивилизации» активно оперируют современные авторы, его теоретическая проработанность недостаточна¹. Наравне с этим термином применяются и такие, как «цивилизационный код», «культурно-генетический код», «социокод», «социокультурный код». Значит, необходимо устранить терминологическую многозначность. К тому же существует содержательное расхождение терминов: под «социокультурным», «культурно-генетическим», «цивилизационным» кодами, «социокодом» понимают то «гомологический ряд (цепочку) национальной традиции», то «социокультурную экспликацию природы ментальности», то «архетипическую конструкцию, связанную единой логикой», то «знаково закреплённую совокупность деятельностных схем, обеспечивающих социальное наследование опыта», то «структурную схему ядра цивилизации»². В зависимости от того, какое понятие представляется автору наиболее объяснительным («традиция», «ментальность», «архетип», «ядро», «знаковая схема деятельности»), он выстраивает конструкцию, называемую «кодом данной цивилизации». Разумеется, каждое из образований можно спроецировать на российскую историю, но системного образа цивилизационного ядра России пока не создано.

Многие авторы (и мы в их числе) рассматривают цивилизационный код как «архетипическую конструкцию» цивилизации. Однако при ее выявлении и систематизации они сталкиваются с трудностями. Ю. А. Вьюнов³ видит свою задачу в том, чтобы описать различные проявления русского менталитета, т. е. то, как культурный код отражается на массовом поведении этноса: как он усвоен, понят, закреплён в стереотипах человеческого поведения. Но между архетипами кода и менталитета есть существенные различия. Если первые носят неосознанный, устойчивый и системный характер, то вторые данными качествами не обладают. В менталитете отражается *субъективный аспект кода*: как он понят, усвоен людьми на уровне практического поведения. Отсюда свойственная менталитету «тенденция к диверсификации»⁴, большому разбросу случайностей, противоречиям и т. п. При таком подходе код ускользает, теряется в менталитете.

И. Г. Яковенко основывается на методе бинарных оппозиций, впервые опробованном А. С. Ахиезером⁵. Оба автора за эмпирическую основу концепций русской истории и культуры берут полярности (оседлость — кочевничество, христианство — язычество, церковь — мирская жизнь, земство — опричнина, самодержавие — народ, западники — славянофилы, революция — реакция, демократы — патриоты и т. п.) и делают выводы о «раскольном» характере нашего культурного основания, о «взрывной» и «катастрофичной» логике истории России, а отсюда — о «неоднородности» ее ядра и кода и о том, что нужно «изжить» эту неоднородность, «избавиться от взаимоисключающих внутренне противоречивых установок», «травмирующих сознание общества», чтобы двинуться по пути западной модернизации⁶. В качестве российского культурного ядра-кода И. Г. Яковенко выделяет: синкретизм (нерасчлененность оснований), конструкт «должное — сущее», эсхатологический комплекс, манихейскую интенцию, мироотречную (гностическую) установку, сакральный статус власти, экстенсивную и имперскую доминанты и, конечно же, раскольность культурного сознания, — одним словом, набор отрицательных черт («грехов России»), из которого не создается ни целостного образа российской цивилизации, ни системного представления о ее ядре-коде. Как верно отметил И. Н. Ионов, абсолютизация бинарных оппозиций и структура-

¹ Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М., 2012. С. 17–18.

² Егоров В. К. Философия русской культуры. М., 2006. С. 164; Яковенко И. Г. Указ. соч. С. 24; История России. Россия в мировой цивилизации / под ред. А. А. Радугина. М., 1997; Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 39–45.

³ Вьюнов Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России. М., 1995.

⁴ Лубский В. В. Русский культурный архетип // Культурология. Ростов н/Д, 1995. С. 394.

⁵ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. М., 1991; Яковенко И. Г. Указ. соч. С. 14–41.

⁶ Яковенко И. Г. Указ. соч. С. 41, 330, 589 и далее.

листского подхода к отечественной истории и культуре не может быть продуктивным методом анализа цивилизации России. При желании таким способом можно «построить» (дискредитировать?) историю и культуру любой страны¹.

Отталкиваясь от понятия «*ядро цивилизации*», мы рассматриваем генотип и код как его необходимые и взаимосвязанные компоненты. Если генотип задает *первичную структуру интеграции индивидов в социум* (для Запада – это город-полис, для России – община), то код ответствен за исходную (базовую) *мотивационно-смысловую структуру детерминации человеческого поведения*. Всякий код есть последовательность знаково-информационных сигналов и правил их связи в цепочке, что позволяет как сворачивать (кодировать) информацию, так и развертывать (декодировать) ее, чтобы переходить от внутреннего, «своего» (нейродинамического) кода человека к внешнему, «чужому» (и наоборот). В данных взаимопереходах (от «плана содержания» к «плану выражения») состоит основной принцип действия всякого кода-языка, т. е. передачи и понимания информации. Понять информацию – значит извлечь и постичь *смысл*, некую *программу поведения*, которая зашифрована с помощью кода-языка. Это особенно важно в культуре, изначально связанной с *культулом, таинством, священнодействием*, в котором участвовали «свои», посвященные. Посредством кодирования в различных знаковых формах – словах, жестах, священных формулах, символах и действиях – сохранялись и передавались *сакральные смыслы* и сопряженные с ними *программы поведения и деятельности*. Они определяли возможности и границы свободной воли человека, направляли его активность на социально значимые цели и в целом окультуривали, одухотворяли его бытие посредством приобщения к культурной традиции, опыту рода.

Для дальнейшего разрешения исследуемой нами проблемы проясним понятия «архетип» и «символ». Впервые они были введены К. Юнгом в его «аналитической психологии»². Архетипы (первообразы социальности и культуры), по его мнению, суть сгустки коллективного бессознательного. Их формы отшлифованы в древнейших видах культурного творчества: мифах, верованиях, тайных учениях. Особенностью архетипов является то, что они недоступны непосредственному пониманию: их смыслы человек постигает интуитивно, с помощью знаков и символов, которые указывают на скрытое, глубинное содержание, как бы отсылают к культурной информации прошлых эпох. По К. Юнгу, архетипы содержат в кодированной форме стихийные силы природы и души этноса. Как утверждают современные авторы, в свернутой форме архетипов сохраняются и передаются первичные способы схематизации, обобщения, систематизации человеческого опыта³.

Содержание архетипов трудно выразить дискурсивными средствами, т. е. с помощью естественного языка, оно передается символическими средствами. *Символ* – знаковое образование, которое находится в отношении ассоциативного сходства с обозначаемым, его образная форма вызывает цепь культурных ассоциаций. Всякий символ многозначен: он оказывает «просветляющее – утаивающее действие» (М. Хайдеггер); способен «прятать и показывать, выражать и скрывать» (П. Рикер). Понять символ – значит извлечь *смысл*, постичь ту целостность, которую он представляет и на которую указывает его знаковая форма. Именно смыслы культуры являются носителями ее программ. В смыслах архетипов и символов скрыта колоссальная энергетика коллективного бессознательного: способность активизировать глубинные первообразы, воздействовать на чувства, организовывать поведение. Так действуют опыт рода, память предков.

¹ Социокультурная методология анализа российского общества (независимый теоретический семинар) // Рубежи. 1998. № 1. С. 128.

² Юнг К. Архетип и символ. М., 1994.

³ Поляков И. В. Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск, 1983. С. 140–171.

Следовательно, всякий код цивилизации есть *архетипическая конструкция, определяющая программы социального поведения*. Но при этом, на наш взгляд, важно различать два уровня цивилизационного (социокультурного) кодирования: *культурно-генетический и исторический*. В первом – *глубинном* – обобщен наиболее древний опыт рода, *мифологический и религиозный*; во втором – *поверхностном* – *опыт истории* (назовем этот уровень *социокодом*). В статье мы будем говорить о *культурно-генетическом* коде России.

Итак, культурно-генетический код – продукт *мифологической и религиозной картины мира*, т. е. наиболее глубоких форм систематизации человеческого опыта. Миф – синкретическая чувственно-образная картина мира, раскрывающая становление *порядка из хаоса* посредством образов стихий, хтонических существ, демонов, культурных героев, тождественных силам природы, космоса. В восточно-славянской мифологической картине мира на первый план со временем вышли несколько богов: Перун – бог миропорядка, владыка небес, громовержец и покровитель княжеского воинства; Дажьбог (Стрибог, Хорс) – повелитель небесных стихий, носитель тепла и огня, посредник между небом и землей, покровитель кузнечного ремесла; Семаргл (Велес) – небесный посланник – сеятель семян, бог земледелия и скотоводства; женское божество Макошь – богиня Земли, покровительница плодородия и т. д. В рамках языческого многобожия здесь как бы обобщены и систематизированы отношения первобытной общности с природой и соответственно основные виды человеческой деятельности.

Религия конструирует картину мира на иных основаниях – *выделении священного (сакрального) первоначала*, трансцендентного к естественному ходу вещей, но определяющего его. В частности, христианская картина мира выросла из философско-мифологических идей Платона и неоплатоников о Едином и многом, о Демиурге – Творце и Эйдосе (образах, формах божественной творческой энергии). Они воплотились в догматах о Боге-Творце, едином в трех ипостасях: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух; о Святой Софии – Премудрости Божией, охраняющей тайны Божественного творения; о Всеединстве как связи любви (единении множества раздробленных человеческих душ, являющихся комбинацией добра и зла) со своим духовным Первоначалом. Символом единения выступают Церковь и Вера в Богочеловека – Христа, отправленного Богом-Отцом в земную жизнь ради спасения людей; в его мученическую смерть и чудо Воскресения; в перспективу его Второго Пришествия и Страшного Суда над грешниками во имя Жизни вечной.

В каждой картине мира есть своя программа человеческого поведения: в мифологической – это организация деятельности индивида в соответствии с ритмами и силами природы; в религиозно-христианской – нравственное совершенствование, очищение от греховности земного мира и слияние с Единым, возвращение к истинному Отцу. В любой картине мира можно выделить некий код: *систему базовых понятий и символов, устанавливающих мотивы и смыслы человеческого поведения*. Христианский культурно-генетический код задан концептуальной структурой Библии, прежде всего ее второй части – Евангелия. Если же речь идет о культурно-генетическом коде конкретной (например, российской) цивилизации, то здесь важно найти основание, на котором строились бы *программы социального поведения русского человека*. С точки зрения отечественных религиозных мыслителей, это «архетипические основы социальности, культуры, духовности», которые определяли «систему идеалов, целей, ценностей»¹ жизни россиян. Речь, разумеется, идет о православии.

О том, какую судьбоносную для России роль сыграли «византийский выбор» князя Владимира и Крещение Руси в 988 г., написано много. Добавим лишь, что, по нашему

¹ Козин Н. Г. Постигание России: опыт историософского анализа. М., 2002. С. 194.

мнению, им был услышан тот общественный запрос на православие, который сейчас называют «Гиперборейским импульсом»¹ Руси-России. Под ним подразумевают:

зов пространства, огромной Гипербореи, которую только начали колонизировать древние русичи, словно двигаясь по местам обитания их далеких предков — ариев, следы которых и поныне находят в Восточной Европе, на Урале, в Сибири, на Алтае; теряются же они на Памире и в Индии²;

зов формирующегося суперэтнуса, будущей мощной общины, в рамках которой шел синтез трех основных этнических субстратов (славянского, финно-угорского и тюркского); трех хозяйственно-технологических комплексов (земледельческого, скотоводческого, промыслового); трех культурно-цивилизационных центров: Северо-Запада (Новгород), Юга (Киев) и Северо-Востока (Владими́ро-Суздальская земля, будущая Московия)³;

устремленность народной Мечты и Веры к более счастливой и справедливой доле (она находила отражение в древнерусских мифах о Стране Беловодье, об Опонском царстве и др.), готовность русских людей отправиться в Жертвенный Путь во имя Коллективного Спасения и обретения Вселенской Правды⁴.

В условиях реальной «многовариантности исходных структур и институтов общественного устройства», а также «объединения столь разнородных составляющих»⁵ на территории Восточно-Европейской равнины, со всех сторон открытой враждебным посягательствам, требовался *особый инструмент консолидации сил*. Им и стало православие, выступив в роли духовного медиатора (посредника) во взаимодействии отмеченных выше бинарностей и внося «мораль и порядок в хаос междоусобиц»⁶. Именно его мы анализируем в первую очередь в связи с проблемой культурно-генетического кода России.

Н. Г. Козин в качестве основания православного культурно-генетического кода выделяет триаду «Добро — Любовь — Правда», которую далее конкретизирует через ряд архетипов: Соборность, Коллективное Спасение, Всеединство, Общее Дело, Космизм, Терпимость, Покаяние, Жертвенность и др.⁷ Ряд можно продолжить, но главное не в нем. Встает вопрос: можно ли упорядочить данное множество, вскрыв некую системную логику, усмотрев в нем мотивационно-смысловой механизм поведения и деятельности православной России? Думается, для этого следует опираться на фундаментальные (системообразующие) символы.

В православной культуре множество символов: они присутствуют в молитвах, иконах, архитектонике храмовых действий и сооружений. Важнейшие из них — Крест и Троица.

Общехристианским символом является Крест-распятие: в нем в образной форме отражено главное событие христианского мира — мученическая смерть уникального человека и Божественного Сына и Спасителя. Но он не только символ конца и жертвенного подвига, он символ Воскресения и Жизни Вечной. В нем закодирован тот Путь жизни, по которому надо следовать каждому христианину, преодолевая свои бытийные, земные противоречия: через муки и жертвы — к спасению. Без преувеличения можно сказать, что именно по нему шло развитие России и ее истории. Особая роль символа отражена в одном из двенадцатых праздников Православия — Воздвижении Креста Господня.

¹ Наумов С., Слонов Н. Россия — суверенная цивилизация // Свободная мысль. 2008. № 11. С. 70.

² Русский Север. Гиперборея // URL: <http://www.neizvestniy-geni.ru/news/1052.html>; Платов А. Мегалиты русской равнины. М., 2009.

³ Флиер А. Цивилизация и субцивилизации России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 71.

⁴ Буланцев С. Беловодье, Тебу, Шамбала?... // Вокруг света. 1979. № 3. С. 44–47.

⁵ Флиер А. Указ. соч. С. 71.

⁶ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1878. Т. 1. С. 151–152.

⁷ Козин Н. Г. Указ. соч. С. 240–250.

Троица – сугубо православный символ. Христианский догмат о Троице был утвержден на Втором Константинопольском Вселенском Соборе в 381 г.; его расшифровке посвящена главная православная молитва «Символ Веры», где утверждается мысль о Едином Боге в трех лицах. Особый смысл символа для Руси-России раскрыл Андрей Рублев в иконе «Троица». Время жизни А. Рублева (сначала инока Троице-Сергиевой лавры, а затем старца Спасо-Андроникова монастыря) совпало с драматическими событиями отечественной истории – освободительной борьбой русского народа против владычества Золотой Орды (XIV – начало XV в.). В обстановке национального разорения и унижения, междоусобных распрей князей и военной брани русский народ нуждался в духовной поддержке, в объединяющей идее. Ее и сформулировал Сергей Радонежский – основатель Троице-Сергиевой лавры и вдохновитель русского войска в Куликовской битве. Художественным выразителем данной идеи стал русский иконописец А. Рублев, в творчестве которого мощно прозвучала тема личной ответственности каждого за выбор между добром и злом и жертвенного подвига ради Коллективного Спасения. В центре иконы «Троица» изображены трое прекрасных юношей-ангелов, сидящих за столом перед чашей с тельцом. Но это не простой ужин, а священная трапеза, на столе – жертвенная чаша, намек на страдания Бога-Сына, на которые его обрек Бог-Отец во имя Спасения человечества. Лица ангелов сосредоточены и одухотворены, их головы и фигуры как бы склонены друг к другу, образуя композиционный треугольник, неразрывную связь всех троих. Вражде и ненависти, царящей в дольнем мире, по П. А. Флоренскому, «...противопоставлялась взаимная любовь, струящаяся в вечной безмолвной беседе, в вечном единении сфер горних»¹. К любви, согласию и единству во имя Спасения Руси звала икона «Троица».

Важно отметить, что в католичестве и протестантстве, западных формах христианства, нет символа Троицы: там веруют в Бога-Отца и Бога-Сына и пекутся о личном спасении. Православный «Символ Веры» подчеркивает значение и третьего священного первоначала: «Духа Святого, Господа животворящего». Он исходит от Отца, «глаголет через пророков», но способен осенять всех тех, кто верит в Христа и следует за ним. В этом еще один смысл Троицы как *идеи Коллективного Спасения*, чему посвящен особый православный двенадцатый праздник Пятидесятницы (Святой Троицы), день явления Святого Духа в Церковь, перед общиной верующих². В знак своей причастности к христианскому Братству православные люди не только носят на груди крест, но и осеняют себя *крестным трехперстным знаменем*. С двумя главными символами православия связана и сакральная роль чисел «три» и «четыре».

Опираясь на изложенное, выделим в ряду архетипов-символов православия две группы идеологем: 1) те, которые обращены к Церкви, общине верующих; 2) те, которые предписывают нормы житейского поведения каждой православной личности. Первая группа связана с учением о Церкви. Это не просто место, где для совершения молитв и таинств собираются верующие (*Дом Божий*). Под Церковью православное богословие понимает прежде всего *общину верующих*: Апостол Павел называл ее *Телом Христовым*. А. С. Хомяков писал о Церкви как о живом, органическом целом, где каждый верующий – частичка этого живого вещества, зерно, из которого прорастает Слово Христа и его Дело – Спасение человечества. Первой Церковью была община учеников Христа: Двенадцать апостолов, которые понесли евангельские истины по свету. Согласно православной легенде на территорию Руси идеи Христа принес Андрей Первозванный. Отечественные мыслители называют русский народ «богоносцем» за его особую предуготованность и восприимчивость к христианству. Но чтобы соответ-

¹ Богословские беседы. 1981. № 22. С. 10.

² Мень А. Православное Богослужение. Таинство, Слово и Образ. М., 1991. С. 98.

ствовать такой роли, он «должен принять и те принципы, которые лежали в основе вероучения и особо чтутся Православием»¹. Рассмотрим данные принципы (рис. 1).

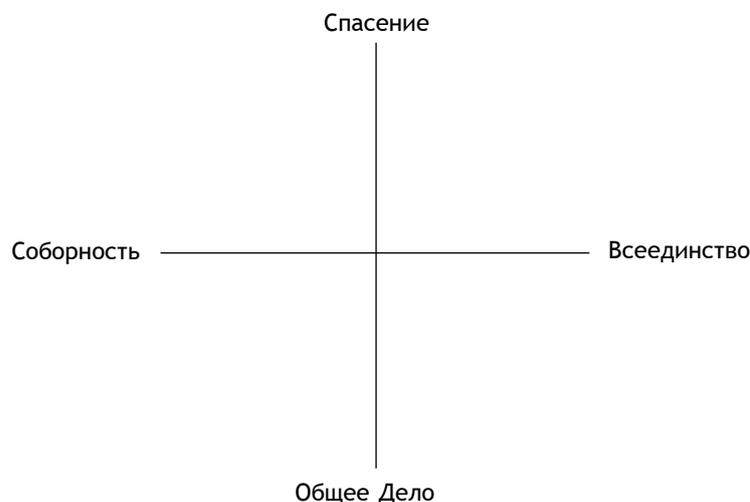

Рис. 1. Принципы общинного бытия

Спасение. Это цель православного бытия, заключающаяся в стремлении в перспективе получить оправдание на Страшном Суде, избежать Апокалипсиса, мучительного конца и упокоиться в горнем мире. Русские мыслители выделяли и более близкую цель: обрести Благодать, Божественную Помощь в земной жизни, одержать победу над горестями, трудностями, искушениями повседневности, достичь блаженства в дольнем мире. Особую роль здесь играет православная община, которая выступает «Ковчегом Спасения» верующего: при жизни человек может спастись только в коллективе. Важное значение придается деревенской общине (миру) с ее сходами, традиционной справедливостью «в соответствии с обычаем, совестью и внутренней истиной»². В утверждении идеи Коллективного Спасения состоит принципиальное отличие Православия от западноевропейских вариантов христианства — католицизма и протестантизма: там мечтают только о личном спасении и блаженстве, а цель земного бытия видят в богатстве и успехе. Идея Коллективного Спасения означает, во-первых, ответственность всех за каждого и каждого за всех, а во-вторых, способность подчинять личные интересы общественным и «в осуществлении общественных идеалов найти подлинные смыслы своего личного бытия»³. Пути достижения такой коллективности раскрывают другие принципы: Соборность, Всеединство, Общее Дело.

Соборность. Она является отличительной чертой христианской церкви, собранной как бы из множества: сначала в ней было 12 человек, а теперь христиан свыше миллиарда, и число их растет. Однако это первый, внешний смысл термина. *Принцип соборности*, развитый православными авторами, соединяет идею христианства со свободным выбором человека. В храм (собор) каждый идет сам по себе, добровольно, со своими бедами и заботами, а собравшись вместе, люди объединяются в общей вере и любви к Богу: «Свобода и единство — таковы две силы, которым достойно вручена тайна свободы человеческой во Христе»⁴.

¹ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 41.

² Там же. С. 40.

³ Козин Н. Г. Указ. соч. С. 249.

⁴ Хомяков А. С. Соч.: в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 191.

Католицизм (папизм) навязывает единую волю верующим, тут имеет место единство без свободы. Протестантизм утверждает свободу без единства¹: каждый вправе произвольно толковать Священное Писание и определять нормы добра и зла по собственному усмотрению («добро то, что мне полезно»). В православии свобода каждого Я находится в гармонии с Мы. Подлинная соборность – это «свободная социальность» (Н. А. Бердяев), т. е. органическая целостность Я с Мы; их связь подобна хорошо слаженному хору: каждый голос – часть общего целого, и каждый индивид «находит себя в единении с другими» (С. Н. Булгаков) на основе общих духовных ценностей.

Всеединство. Раскрывает мировоззренческую основу духовного единения православных людей. Различные аспекты данного архетипа осмыслены В. Соловьевым, П. Флоренским, С. Франком, Л. Карсавиным и другими русскими философами. Согласно В. Соловьеву сущий мир множествен, разобщен, «тварен», но в его основе лежит Сверхсущее, Абсолют, Творец. Между множеством вещей и Абсолютом в качестве посредника выступает София – Премудрость Божия, проявляющаяся в творческом познании и деятельности человечества, когда люди культуры (художники, писатели, ученые) постигают Бога как Целостность, единство Истины, Добра и Красоты и передают свои идеи православным. По мнению П. Флоренского, к тайне Божественной целостности через Любовь может приблизиться и каждый смертный. Бог есть Любовь, т. е. бытие, открытое миру; в его основе страдающее чувство, способное сердцем воспринимать чужую боль и откликаться на нее. В братской любви человек соединяется со своей общиной, церковью, с Богом. В нем – частичке – присутствует целое. Таково подлинно русское толкование бытия как Всеединства. «Англичанин хочет видеть мир как фабрику, француз – как салон, немец – как казарму, а русский – как церковь... Он не хочет ближнего превращать в средство. В этом суть русской идеи братства»².

Общее Дело. Данный символ впервые ввел Н. Федоров в конце XIX в. Правда, смысл его – сплотить церковную общину не на основе страха перед падением греховного мира, а на идее «обожения мира», преобразования дольного мира по образу горнего – появился в русском богословии еще в XV в. В те времена в соответствии с практикой «умного делания» и «нестяжания» Нила Сорского монахи обучались психофизическим приемам управления своим телом и духом (подобно йоге) и вели активный, деятельный образ жизни, уча своим примером мирян добывать достаток честным, праведным путем и рациональным хозяйствованием. У Н. Федорова и других русских космистов (В. Вернадского, А. Чижевского, Н. Умова) идея Общего Дела переросла в философию «активной эволюции» – «обожения» человека и природы на основе синтеза науки и религии. Согласно ей наделенный волей, разумом и способностью к творчеству человек со временем станет одной из пружин эволюции, продолжит дело Божественного Творения: он сможет работать с веществом природы, в том числе собственным телом, развивая в себе новые возможности; породившая его биосфера Земли со временем превратится в ноосферу, сферу Разума, «сверхжизни». Однако чтобы такая эволюция произошла, необходима нравственная ответственность человека перед природой, другими людьми, жизнью. Путь к ней лежит через победу над смертью и воскресение отцов, т. е. всех ранее живущих поколений. Так космистами трактуется христианская идея Воскресения и православный идеал Спасения и Жизни Вечной³. Да, это новое толкование эволюции в сравнении с дарвиновским: там она идет путем борьбы и вытеснения слабых, здесь – связана с принципами «солидарности» (П. Кропоткин) и «всеединства» (В. Соловьев, П. Флоренский). Философия Общего Дела и космизма открывала пути к глобальному единству человечества.

¹ Хомяков А. С. Указ. соч. С. 92.

² Шубарт В. Европа и душа Востока // АУМ. Синтез мистических учений Запада и Востока. 1990. № 4. С. 160–161.

³ Русский космизм. М., 1993.

Вера – Надежда – Любовь. Это важнейшие ценностные нормы православной личности, которым она учится, общаясь с Богом, добровольно пошедшим ради людей на крестные муки. Многие задавались вопросом: зачем Христос принял «чашу сию», о смысле и исходе которой знал заранее? Он мог покинуть Иерусалим до роковой пятницы, но он верил в человека, в его способность воспринять добро, надеялся на возможность нравственного воскресения людей, пробуждение совести (пусть со временем) и любил их. А смысл любви и состоит в готовности жертвовать и прощать тех, кого любишь. Веру, Надежду и Любовь Христос положил в основание своего учения о Новом человеке, христианине. Он не ошибся: сотни праведников и мучеников христианства последовали его Пути. Своим Словом Христос обращался не только к исключительным людям, героям-подвижникам, но и к простым смертным, слабым, «нищим духом», способным согрешить, даже предать. Он верил и в их нравственное воскресение: в этом универсальный смысл христианского гуманизма, столь близкого православному сердцу¹.

Служение – Жертва – Подвиг. Данные нормы православная личность постигает в своем отношении к Отечеству, одной из высших мирских ценностей. Отечество и представляющего его первое лицо государства – Царя – православное сознание соотносит, с одной стороны, с семейными архетипами «рода», «отца», с другой – с высшей сакральной ценностью – Богом, что и выражает формула-лозунг «За Веру, Царя и Отечество». На Отечество не «работают» («работа» от слова «раб»), ему «служат», т. е. выполняют *сакральный долг*, подобный церковному служению. Общественно-государственное служение предполагает способность в критический момент *пожертвовать* собственными интересами и выгодами ради общего дела, общей идеи. Особенно ярко это проявляется в воинской службе, воплощающей идеал самопожертвования во имя патриотического долга защиты Отечества от иноземных посягательств. Высшая форма жертвенного Служения – подвиг, когда исполнение служебного долга связывается с преодолением необычайных трудностей, а результат по своим масштабам превосходит результаты повседневных действий. Таков, к примеру, подвиг русских воинов на Куликовом поле в 1380 г., подвиг первосвятителей Кирилла и Мефодия – создателей славянской письменности и др.

Терпение – Милосердие – Сострадание. Вот та связка нравственных правил, которыми православный человек руководствуется в своем общении с «другими». Важнейшая из норм – Терпение, т. е. способность *стойко переносить* чинимые «другими» *невзгоды и страдания*, а также внешние обстоятельства. Этому учил Христос в своих Заповедях Блаженства («блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», «блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» и др.) и в Нагорной проповеди («возлюби ближнего твоего как самого себя»). В основе Терпения лежит христианская *любовь*, способность видеть в «другом» человека, созданного по образу и подобию Божию. Однако в Терпении заключается и особое *достоинство* православной личности: не платить злом за зло, сражать противника превосходством нравственной позиции, верить и надеяться на спасительную силу добра и прощения. Отсюда снисходительное отношение к «заблудшим»: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят». Наконец, в данной связке нравственных норм проявляется высшая *мудрость бытия*: не эгоистичное своеволие, а адаптивное отношение к миру, к «другим» – основа вселенской гармонии: «И нам сочувствие дается, как нам дается Благодать».

Грех – Покаяние – Очищение. В них выражается отношение православного человека к самому себе. Не стремясь к тому, чтобы изменить мир и «других», он в первую очередь озабочен нравственным самосовершенствованием, отсюда исходная по-

¹ Подробнее см.: Чупина Г. А. Человек в мире смыслов. Екатеринбург, 2009. С. 144–154.

зация *самоуничтожения* и осознания своей *греховности*. Грех – религиозное понятие, обозначающее те действия, слова, мысли, которые противоречат нормам христианства: десяти заповедям Бога-Отца и нормам-заповедям Нагорной Проповеди Христа. Византийский богослов Григорий Великий в 590 г. выделил «семь смертных грехов»: гордость, зависть, гнев, лень, алчность, чревоугодие, похоть. Русский православный проповедник Игнатий Брянчанинов в XIX в. составил список из «восьми» греховных «страстей»: чревообъедение, любодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Данный список может быть продолжен (предательство, трусость, например). Дело, конечно же, не в конкретном числе грехов, а в их сути: в грехе человек выпадает из духовной связи со Спасителем, его душа мертвоет, лишается жизни и в земном, и в посмертном мире. На такую душу будут воздействовать темные силы, в ней разовьются новые «страсти», болезненные, навязчивые мысли и состояния, вражда к окружающим. Но есть выход – признать грех и очиститься от него посредством таинства Покаяния, молитвы, поста. «Нет греха непрощительного, кроме греха нераскаянного», – говорил преподобный Исаак Сирийский¹. «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» – призывает Господь. К Нему, «Царю Небесному, Утешителю, Душе истины», обращаются с молитвой грешники, прося: «Прииде, и вселися в ны, и очисти ны от всякой скверны, и спаси, Блаже, души наша».

Из изложенного видно, что культурно-генетический код российской цивилизации связан с православием, религией, цивилизационнообразующей русский народ. И дело не только в том, что русские составляют большинство населения России. Главное – православный Дух Общинности, идеи Коллективного Спасения, Веротерпимости и объединяющая сила высших нравственных смыслов: Веры, Надежды, Любви, Общечеловеческого Братства, благодаря которым Россия на протяжении своей более чем тысячелетней истории развивалась как «Великое собирательное существо» (В. Соловьев). Архетипы православия составили ядро той социальной сверхценности, которую принято называть российской *Духовностью* (один из компонентов нашего социокода). Суть православной духовной традиции, оказавшей мощное влияние на отечественную культуру, – это *сострадание к слабым и униженным* («бедным людям», по Ф. М. Достоевскому); обусловленное принципом Соборности *право человека на свободный выбор* (веры, судьбы, пути); «*рациональная аскетичность*»², т. е. ориентация не на эгоистический личный «успех», «богатство» и сверхпотребление, а на «*коллективное спасение*», «*нестяжание*» и «*умное делание*» при балансе общественных и личных интересов. Перечисленные архетипы исторически формировали *национальный характер* россиян с их способностью *выживать* в жестких природных и социальных условиях, готовностью к *ответственному поведению и героической жертвенности* в критические моменты истории; с их самоотречением от *этноцентризма* (у русских) и *этнического эгоизма* (у других народов); *правдоискательством, широтой души и жаждой воли*. Духовные силы народа помогали осваивать гигантские территории Евразии (особенно Сибири и Крайнего Севера), создавать могучий суперэтнос и мировую державу; претерпевать тяжелейшие испытания двух отечественных войн, защищать мир от агрессивных сил и отстаивать идеи Свободы и Справедливости, имеющие планетарное значение.

Библиография

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: в 2 т. М., 1991.

Богословские беседы. 1981. № 22.

Буланцев С. Беловодье, Тебу, Шамбала?.. // Вокруг света. 1979. № 3.

Вьюнов Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России. М., 1995.

¹ Фома. 2012. № 5. С. 39–44.

² Панарин А. С. Между атлантизмом и евразийством // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 12–14.

- Григорьева Т. П. Путь России // *Вопр. философии*. 2009. № 2.
Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // *Вопр. философии*. 1991. № 3.
Егоров В. К. Философия русской культуры. М., 2006.
Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М., 2002.
История России. Россия в мировой цивилизации / под ред. А. А. Радугина. М., 1997.
Козин Н. Г. Постижение России: опыт историософского анализа. М., 2002.
Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
Лубский В. В. Русский культурный архетип // *Культурология*. Ростов н/Д, 1995.
Мень А. Православное Богослужение. Таинство, Слово и Образ. М., 1991.
Наумов С., Слонов Н. Россия – суверенная цивилизация // *Свободная мысль*. 2008. № 11.
Панарин А. С. Между атлантизмом и евразийством // *Свободная мысль*. 1993. № 11.
Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.
Платов А. Мегалиты русской равнины. М., 2009.
Поляков И. В. Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск, 1983.
Русский космизм. М., 1993.
Русский Север. Гиперборея // URL: <http://www.neizvestniy-geniy.ru/news/1052.html>.
Социокультурная методология анализа российского общества (независимый теоретический семинар) // *Рубежи*. 1998. № 1.
Степин В. С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей // *Россия и современный мир*. 2003. № 1.
Флиер А. Цивилизация и субцивилизации России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6.
Фома. 2012. № 5.
Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1878. Т. 1.
Хомяков А. С. Соч.: в 2 т. М., 1994. Т. 2.
Чупина Г. А. Человек в мире смыслов. Екатеринбург, 2009.
Чупина Г. А., Шерпаев В. И. К проблеме национальной идентичности: опыт понятийно-категориального анализа // *Беларусь – Россия: патриотизм и безопасность в союзном государстве* / под ред. В. А. Азаренка, А. Н. Головиной, В. И. Шерпаева. Екатеринбург, 2014.
Шубарт В. Европа и душа Востока // *АУМ. Синтез мистических учений Запада и Востока*. 1990. № 4.
Юнг К. Архетип и символ. М., 1994.
Юрганов А. Л. Категории средневековой культуры. М., 1998.
Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М., 2012.

Bibliography

- Axiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: v 2 t. М., 1991.
Bogoslovskie besedy. 1981. № 22.
Balancev S. Belovod'e, Tebu, Shambala?.. // *Vokrug sveta*. 1979. № 3.
Chupina G. A. Chelovek v mire smyslov. Ekaterinburg, 2009.
Chupina G. A., Sherpaev V. I. K probleme nacional'noj identichnosti: opyt ponyatijno-kategorial'nogo analiza // *Belarus' – Rossiya: patriotizm i bezopasnost' v soyuznom gosudarstve* / pod red. V. A. Azarenka, A. N. Golovinoj, V. I. Sherpaeva. Ekaterinburg, 2014.
Diligenskij G. G. «Konec istorii» ili smena civilizacij? // *Vopr. filosofii*. 1991. № 3.
Egorov V. K. Filosofiya russoj kul'tury. М., 2006.
Erasov B. S. Civilizacii: universalii i samobytnost'. М., 2002.
Flier A. Civilizaciya i subcivilizacii Rossii // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 1993. № 6.
Foma. 2012. № 5.
Grigor'eva T. P. Put' Rossii // *Vopr. filosofii*. 2009. № 2.
Istoriya Rossii. Rossiya v mirovoj civilizacii / pod red. A. A. Radugina. М., 1997.
Kozin N. G. Postizhenie Rossii: opyt istoriosofskogo analiza. М., 2002.
Losskij N. O. Istoriya russoj filosofii. М., 1991.
Lubskij V. V. Russkij kul'turnyj arxetip // *Kul'turologiya*. Rostov n/D, 1995.
Men' A. Pravoslavnoe Bogoslužhenie. Tainstvo, Slovo i Obraz. М., 1991.
Naumov S., Slonov N. Rossiya – suverennaya civilizaciya // *Svobodnaya mysl'*. 2008. № 11.

- Panarin A. S.* Mezhdru atlantizmom i evrazijstvom // Svobodnaya mysl'. 1993. № 11.
- Petrov M. K.* Yazyk, znak, kul'tura. M., 1991.
- Platov A.* Megaloty russkoj ravniny. M., 2009.
- Polyakov I. V.* Znakovye sistemy v social'nom vzaimodejstvii i poznanii. Novosibirsk, 1983.
- Russkij kosmizm. M., 1993.
- Russkij Sever. Giperboreya // URL: <http://www.neizvestnij-geniy.ru/news/1052.html>.
- Shubart V.* Evropa i dusha Vostoka // AUM. Sintez misticheskix uchenij Zapada i Vostoka. 1990. № 4.
- Sociokul'turnaya metodologiya analiza rossijskogo obshhestva (nezavisimyj teoreticheskij seminar) // Rubezhi. 1998. № 1.
- Stepin V. S.* Strategii civilizacionnogo razvitiya i problema cennostej // Rossiya i sovremennyy mir. 2003. № 1.
- V'yunov Yu. A.* Russkij kul'turnyj arxetip. Stranovedenie Rossii. M., 1995.
- Xomyakov A. S.* Poln. sobr. soch. M., 1878. T. 1.
- Xomyakov A. S.* Soch.: v 2 t. M., 1994. T. 2.
- Yakovenko I. G.* Poznanie Rossii: civilizacionnyj analiz. M., 2012.
- Yung K.* Arxetip i simvol. M., 1994.
- Yurganov A. L.* Kategorii srednevekovoj kul'tury. M., 1998.

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ:
ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ
И РЕАЛИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ*****Осинцев Дмитрий Владимирович**

Доктор юридических наук, доцент кафедры теории и практики управления
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: dimios@mail.ru

Рассматривается традиционный вопрос о критериях установления административной ответственности. Отмечается, что кодификация законодательства об административных правонарушениях была реализована лишь как формальное объединение норм, подкрепленных наказаниями, не имеющими ни своей идеологии, ни четкой отраслевой принадлежности. Предлагаются подходы к устранению лишних и нелепых норм, предусматривающих назначение административных санкций, а также указывается на возможность унификации административных правонарушений как дезорганизирующих управленческую деятельность государственной администрации поступков, связанных с невыполнением статусных и режимных обязательств, следующих из административных актов.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение и преступление, административная наказуемость, административные методы и режимы

**ADMINISTRATIVE LIABILITY:
THE LEGAL CONSTRUCTION
AND LEGAL PRACTICES****Osintsev Dmitriy**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: dimios@mail.ru

The article raises the traditional issue of criteria for establishing administrative liability. It's mentioned that a codification of the administrative legislation has been resulted in a formal collection of norms that have neither a general idea nor clear affiliation with the branch of law. The author proposes to remove the unnecessary and ridiculous rules on administrative sanctioning, and outlines a potential unification of administrative offences. It seems possible because these acts destabilize the activities of public administration and relate to non-compliance with the status and order obligations arising from administrative legal acts.

Key words: administrative liability, administrative offences, criminal offences, administrative penalty, administrative methods and orders

Наступивший 2015 год — юбилейный год кодификации законодательства об административных правонарушениях. Как верно напоминает С. М. Зырянов, «административная ответственность приобрела формальные признаки самостоятельного вида юридической ответственности в российском законодательстве в результате первой кодификации в 1985 г.»¹. Правда, автору этого высказывания сразу хочется задать вопрос: на какой фразе поставить логическое ударение — «самостоятельный вид» или «формаль-

* Статья публикуется в авторской редакции.

¹ Зырянов С. М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журн. рос. права. 2014. № 1.

ные признаки»? Как назвать этот юбилей — триумфальным или только очередным? Чего больше — достижений или проблем — создала такая кодификация?

Административная ответственность, которая приобрела свои типичные черты в советское время, была далеко не формальным видом государственного принуждения, и сами по себе административные взыскания не были особо значимыми для граждан (штрафы считались неприятностью, но не вели к унижению; административный арест, конечно, являлся позорящей мерой, но не влек увольнения; лишение права на управление транспортным средством лишь на время освобождало от некоторых удобств, подводя к общему знаменателю «скромности» населения). Куда более тяжелым по последствиям был рикошетный эффект этих мер. Конечно, они могли носить профилактический характер, предупреждая несчастные случаи и выступая жестким напоминанием о бдительности должностных лиц и специалистов¹, но также могли привести к лишению выплат трудового характера², кадровым перестановкам в связи с потерей репутации³, увеличению размера материальной ответственности работника⁴, перемещению в очереди на предоставление путевок⁵, жилого помещения⁶ и другим неблагоприятным для граждан поражениям в правах преимущественно социально-экономического характера.

Не нужно обманывать самих себя и утверждать, что административная ответственность наступала только за те действия (бездействие), которые были предусмотрены лишь нормативными правовыми актами, устанавливающими административные взыскания. Зачастую она влекла утрату или ограничения в реализации конституционных прав: на поступление в определенные учебные заведения, на продвижение по номенклатурной лестнице, на некоторые социальные блага (например, кроме профсоюза никто путевки не давал), а также важных имущественных прав — на получение жилого помещения, приобретение иного недвижимого имущества, автомобиля и т. д. Давно следует признать, что привлечение к административной ответственности — хитроумный и изощренный вариант внесудебной уголовной репрессии⁷, применяемой преимущественно за формальные технические погрешности (нарушение правил обращения с ресурсами и технологические отступления в различных отраслях промышленности

¹ Об утверждении Положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве: постановление Президиума ВЦСПС 13 августа 1982 № 11-6 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

² Типовое положение об оплате труда руководящих работников, специалистов и служащих совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий: приложение 2 к постановлению Госагропрома СССР, Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 30 июня 1986 г. № 15/241/П-7 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении уточнений Основных положений о премировании работников производственных объединений (комбинатов) и предприятий промышленности за основные результаты хозяйственной деятельности: постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 24 июля 1980 г. № 214/П-8 // Бюл. Госкомтруда СССР. 1980. № 10.

³ О мерах по коренному повышению качества продукции: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12 мая 1986 г. № 540 // СП СССР. 1986. № 24. Ст. 139; О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонарения: указ Президиума ВС РСФСР от 16 мая 1985 г. № 398-XI // Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 21. Ст. 738.

⁴ О размерах материальной ответственности лиц, виновных в хищении, недостаче и сверхнормативных потерях валютных и некоторых других ценностей: постановление Совмина СССР от 26 апреля 1982 г. № 344 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов: указ Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 12. Ст. 254; О плане распределения бюджетных путевок в санатории республиканского подчинения для детей с нетуберкулезными заболеваниями и коек в клиники научно-исследовательских институтов курортологии и физиотерапии: приказ Минздрава РСФСР от 19 октября 1981 г. № 606 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов: указ Президиума ВС СССР от 23 мая 1986 г. № 4719-XI // Ведомости ВС СССР. 1986. № 22. Ст. 364.

⁷ Судьи, применяя административные взыскания, по сути, выступали в качестве органов административной юрисдикции, и выносимые ими постановления являлись административными, а не судебными актами.

и сельского хозяйства) или неодобряемое в социуме поведение. При этом, несмотря на отсутствие личного принуждения (реального ограничения свободы, если не считать, конечно, административного ареста), субъект теряет свой базовый правовой статус. Верно отмечает Ю. П. Оноколов: «Обычно при декриминализации деяния за те же действия устанавливается административная ответственность, что дает возможность экономии уголовной репрессии и осуществления борьбы с отдельными правонарушениями в упрощенном порядке, с помощью более мягких видов юридической ответственности»¹. Здесь следовало бы дополнить: с теми же репрессивными последствиями, только без судимости и долговременной изоляции от общества.

Шли годы. Что бы ни говорили многие авторы о сущности административной ответственности, ссылаясь на нормы КоАП РФ (2001 г.), нужно признать, что она превратилась во вторую систему налогообложения² за счет безудержного роста административных штрафов. Прочие же административные наказания создают больше проблем для самих правоприменителей, чем для лиц, к которым они применяются: доказывание сложное и трудоемкое, а эффект сомнительный. Действительно, сколько усилий необходимо приложить, чтобы лишить права на управление транспортным средством и после этого оставить автомобиль в фактическом обладании правонарушителя; или чтобы дисквалифицировать держателя контрольного пакета акций, за которым все равно остается последнее слово в управлении организацией. А сколько всего нужно учесть, чтобы конфисковать предметы правонарушений: сначала надо разрешить всевозможные перипетии с установлением собственника (хотя есть мнение, что такой подход к конфискации эту меру ответственности девальвирует³), но не это главное, а то, что конфискованное имущество потом, видимо, предстоит беспроблемно уничтожить за счет средств бюджета. Зачем нужны такие наказания, если негативные последствия их применения наступают для государства?

Кому уж точно нельзя заявлять о необъективности или ангажированности в разрешении проблем административной ответственности, так это Н. Г. Салищевой: отмечая современные тенденции развития института административной ответственности, она по существу называет некоторые технические особенности бюрократической практики, а не самого института ответственности:

1) в региональном законодательстве усилена ответственность за состояние дел в сфере экологии, здравоохранения (просто изменена подведомственность: вместо одного субъекта действует другой, а на суть ответственности это не повлияло);

2) конкретизированы составы многих правонарушений (раньше ответственность за невыполнение целого нормативного массива была сформулирована абстрактно, а теперь за несоблюдение отдельных статей и пунктов вводятся самостоятельные санкции без объяснения объективных причин такой дифференциации);

3) усилены многие санкции (просто размеры штрафов «бегут» за инфляционными процессами, а лишение какого-либо права никак не препятствует фактическому пользованию благами этого права: управлять автомобилем можно и без водительского удостоверения, правда, это рискованно);

¹ Оноколов Ю. П. Институт административной преюдиции как инструмент противодействия преступлениям и иным правонарушениям // Таможенное дело. 2014. № 2. С. 20–23.

² А. Б. Агапов верно отмечает, что штраф более 500 тыс. руб. назначается за особо тяжкие преступления, а административный штраф от 300 тыс. до 600 тыс. может быть назначен за правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (Агапов А. Б. Публичное принуждение или общественная санация... // Административное и муниципальное право. 2013 № 7. С. 744).

Еще более внушительные статистические данные приводят А. Н. Дерюга и И. Д. Мотрович, объявляя, что только органами внутренних дел выявляется около 70 млн и более административных правонарушений, большинство которых карается штрафными видами административных санкций, порой увеличенных на исполнительские сборы (Дерюга А. Н., Мотрович И. Д. Причины латентности административных правонарушений // Административное право и процесс. 2013. № 7. С. 57).

³ Гараев А. А. Административная конфискация // Административное и муниципальное право. 2014. № 8.

4) установлена ответственность за нарушение правил и норм технических регламентов (многие из них вообще не содержат юридических предписаний, а их исполнение обеспечивается добровольно реализуемыми национальными стандартами и сводами правил).

Общий вывод автора неутешителен: внесение более 2 тыс. изменений в КоАП РФ привело лишь к хаосу, а Кодекс так и не приобрел единую идеологическую линию¹.

А. Б. Агапов подчеркивает, что административная ответственность устанавливается *ad hoc* (применительно к случаю), «при этом игнорируются общие принципы кодификации, в соответствии с которыми должны быть изначально предусмотрены единые критерии, отвечающие предназначению административной ответственности в системе мер публичного принуждения»². Как раз такие критерии определены в ст. 1.2 КоАП РФ, которая говорит о задачах законодательства РФ об административных правонарушениях. В ней четко обозначено, что меры по защите и охране общественных отношений направлены против особого вида посягательств – административных правонарушений, и даже названы сферы, где они могут быть совершены³. Но разве не бессмысленно относить (по сути, отрицательным образом) к административным правонарушениям любые непризнанные иными отраслями права противоправные посягательства лишь на основании их включения в КоАП РФ? Ведь тем самым создается система коллизионных случаев и (или) оперативной ликвидации законодательных пробелов независимо от содержания различных видов юридической ответственности. Будем точны: в систему административной ответственности могут попасть и те действия (бездействие), которые вообще никакого объекта посягательства не содержат (о них еще пойдет речь в данной статье)⁴, однако нормы, им посвященные, стали значимой частью Кодекса.

Как в теории, так и в практике привлечения к административной ответственности делаются попытки соединить антиномичные позиции. Первая: нужно немного подкорректировать действующие нормы, и все будет в порядке. Предлагается, например, уточнить подведомственность, сопоставить составы правонарушений и санкции, унифицировать нормы производства по делам об административных правонарушениях для всех субъектов административной юрисдикции, ограничить количество изменений, вносимых в текст Кодекса. Вторая позиция: КоАП РФ содержит неустранимые противоречия, которые парализуют его реализацию. Так, неясна система принципов административной ответственности; нужна дальнейшая дифференциация статусов субъектов ответственности; непонятно, что опасней – отдельные виды преступлений или административных правонарушений; нужна ли вообще административная ответственность за отдельные нарушения, особенно в сфере экономики; почему штрафы за совершение преступлений стали куда ниже штрафов, налагаемых в административном порядке, и т. д.⁵

¹ Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9.

² Агапов А. Б. Указ. соч. С. 743.

³ Задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений (ст. 1.2 КоАП РФ).

⁴ А. Б. Агапов в связи с этим отмечает, что «публичная власть в демократическом государстве не вправе запрещать „массовое одновременное пребывание и передвижение граждан“, поскольку установление запретов применительно к действиям, обусловленным естественными правами граждан, алогично, абсурдно по своей сути и противозаконно, поскольку не содержит никаких признаков посягательств на правоохраняемые публичные или частноправовые интересы» (Агапов А. Б. Указ. соч. С. 746).

⁵ Салищева Н. Г. Указ. соч.; Ломакина В. Ф. Актуальные вопросы правового регулирования административной ответственности в России // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 56–60.

Не хотелось бы подключаться к дискуссии, которая год от года разгорается в юридической периодике вокруг доводов о незыблемости и фундаментальности административной ответственности. В очередной раз приводятся доказательства (правда, весьма сомнительные) того, что «налоговая ответственность имеет административно-правовую природу и не является самостоятельным видом публично-правовой ответственности»¹. Административная ответственность обладает более совершенной основой правового регулирования, а поскольку терминологические различия между нормами КоАП РФ и Налогового кодекса РФ не принципиальны, то дифференцировать эти виды ответственности не стоит.

Вообще говоря, это хороший выход из положения. Поскольку нормы КоАП РФ охраняют разные сферы отношений, регламентируемые разным отраслевым законодательством, то и выделять специально иные защитные механизмы не стоит, так как они часть административной ответственности. Но почему, однако, никто не задает вопрос: зачем нормы КоАП РФ охраняют иные отраслевые отношения, если там вполне достаточно собственных механизмов защиты? Неужели эти отрасли инвалидные, неполноценные и лишь администрирование вносит гармонию в их правовые системы? Совершенно неверно. Такие допущения лишь умаляют значение, а порой полностью исключают необходимость административной ответственности, так как получается, что при помощи административных санкций нечего защищать, кроме иных отраслевых отношений. Поэтому, действительно, следует приступить к обоснованию специфичности административных санкций, уникальности самой административной ответственности, а не просто констатировать ее наличие как свершившейся, искусственно созданной формальной конструкции. Придумать фантомную конструкцию легко — воплотить ее в жизнь куда сложнее, а порой вообще невозможно. Но это не значит, что нормы административной ответственности не реализуются вообще. Просто они находят другое воплощение (имущественные обязательства, меры пресечения, моральные поучения и т. д.).

Приходится признать: за 30 лет исследований и кропотливой работы всего государственного аппарата мы ни на шаг не продвинулись в изучении сущности административной ответственности, а результаты практики далеки от решения намеченных задач. С. М. Зырянов делает общий вывод: «Задача обособления административной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности, выработки объективных критериев, необходимых для этого, имеет не только сугубо теоретическое, но и большое практическое значение для законодателя, правоприменителя и всех граждан, участвующих в самых разнообразных общественных отношениях»². Сегодня мы лишь приступаем к выполнению этой задачи, хотя кодификация законодательства об административных правонарушениях должна была ее решить. Иначе говоря, необходимо только начать разрабатывать рассматриваемую подотрасль административного права, а не совершенствовать механизмы административно-юрисдикционной работы. Однако обоснованно ли предъявлять претензии к уровню разработанности законодательной базы и правоприменительной практики административно-деликтного права? Попробуем посмотреть на реалии административной ответственности, а не только на догматический конструкт о том, что она нужна и зарекомендовала себя как эффективный механизм правоохранительной деятельности.

Не будем начинать с искусной дефиниции, так как большинство попыток определить административную ответственность грешат бессодержательностью, предлагают лишь набор абстрактных признаков. Вот пример очередного обобщения воззрений на

¹ Калантарова Э. И. Актуальные проблемы законодательного регулирования административной ответственности за правонарушения в области налогового законодательства // Административное право и процесс. 2014. № 1.

² Зырянов С. М. Указ. соч.

административную ответственность: «Это установленная государством мера принудительного воздействия, направленная на применение определенных санкций в отношении лица, виновного в совершении административного правонарушения»¹. Исключите из этого определения слово «административное», и ничего не остается, кроме редуцированного толкования понятия юридической ответственности вообще. Что здесь такого специфического административного, не поясняется, расчет на магию слова иллюзорен.

Говоря о проблемах юридической ответственности, В. Ф. Яковлев отмечает, что связанные с ее применением неблагоприятные последствия должны быть вызваны совершением правонарушения. Собственно говоря, это известный и извечный фактор, обуславливающий негативную реакцию государства, но когда речь заходит о сфере публичного управления, невольно возникает вопрос: в чем состоит сущностное отличие административного правонарушения от иных видов правонарушений, почему именно оно влечет административную ответственность?

Обратим внимание, что генезис административной ответственности связан не с ценностно-ориентированным подходом, не с особенностями сферы охраняемых отношений, спецификой совершаемых деяний и другими обстоятельствами, а с соблюдением *формального порядка реализации* любых отраслевых прав. Корневой состав административного правонарушения заложен в ст. 19.1 КоАП РФ: «Самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному федеральным законом или иным нормативным правовым актом порядку осуществление своего действительного или предполагаемого права, не причинившее существенного вреда гражданам или юридическим лицам». Причем если для гражданско-правовой ответственности значимо само осуществляемое право, для уголовной — последствия, для финансовой — необдуманная инициатива, для конституционной — уровень правового регулирования, то для административной ответственности акцент поставлен на «*порядке осуществления*» (!). В этой идеологии, можно сказать, и скрывается технический тоталитаризм административной ответственности. Так сложилось, что в отечественной традиции то или иное субъективное право возникает лишь в силу его официального признания и юридического закрепления. Значит, для каждого субъективного права есть свой порядок реализации, следовательно, за нарушение этого порядка всегда можно ввести административную санкцию. Данный софизм следует из неудачной формулировки определения самоуправства.

В связи с этим верно отмечает Ю. И. Попугаев: «Неясно, почему то или иное деяние законодатель признает административным правонарушением; чем он руководствуется, определяя деликтность деяния и устанавливая за его совершение тот или иной вид и размер наказания (более или менее строгое)? Такое определение понятия административного правонарушения не ограничивает возможности законодателя по субъективному усмотрению признать административным правонарушением любое деяние. Если вдруг законодатель деликтизирует рукопожатие в общественных местах, то это деликтизированное деяние будет полностью соответствовать признакам административного правонарушения, предусмотренным ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, а установление за его совершение наказания в виде административного ареста будет соответствовать всем нормам Общей части КоАП РФ»².

Предложим следующий подход: сначала необходимо критически пересмотреть те правонарушения, юридическая конструкция которых находится за пределами публичного администрирования и граничит с недостойными поступками лица, чье вызывающее поведение никакой угрозы безопасности не представляет, но и оставлять его без должного внимания невозможно.

¹ Дивин И. М. К вопросу об определении понятия «административная ответственность» // Административное право и процесс. 2013. № 10.

² Попугаев Ю. И. О признаках административного правонарушения с позиции процесса деликтизации деяния // Административное право и процесс. 2014. № 1.

В ст. 2.1 КоАП РФ *административное правонарушение* определяется по способу выражения как *действие или бездействие*, внешне выраженный поступок человека, связанный с применением или неприменением мускульной энергии. Однако ничего не сказано о вербальных характеристиках административных правонарушений. Ведь административная ответственность может наступать и за высказывания: *агитацию* (ст. 5.10), *навязывание убеждений* (ст. 5.26), *использование назывных характеристик* (ст. 5.61, 17.8¹), *пропаганду* (ст. 6.21, 20.3), *брань* (ст. 6.26, 20.1), *сообщение информации различными способами* (ст. 13.14, 13.15, 14.3, 14.52, 15.33¹, 17.9, 17.13). Не сказать, что статей так уж много. Специально не приведены статьи, касающиеся исключительно непредоставления информации в различные административные инстанции, поскольку в них явно речь идет о бездействии по отношению к требованиям представителей власти. Конечно, многие из перечисленных высказываний неприятны (брань и оскорбление), непонятны (навязывание идеологии или религиозных убеждений), любопытны (разглашение тайны), но в подавляющем большинстве случаев публичный порядок, тем паче порядок управления, не затрагивают.

Обратим внимание на ст. 6.21 КоАП РФ. Конституционному Суду РФ пришлось принять соответствующее постановление, чтобы прояснить способ совершения указанного в ней деяния¹. Но после состоявшегося вердикта ситуация только усугубилась. Достаточно привести некоторые выдержки из названного постановления: «В мировом же обществе, равно как и в практике различных национальных конституционно-правовых систем, отсутствует консенсус относительно понимания пределов как самой по себе сексуальной автономии личности, так и распространения информации, касающейся сексуальных отношений, нормативного определения непристойного поведения, условий и критериев, на основе которых оно может быть признано общественно опасным и подлежит запретительному государственно-правовому воздействию...

...Верховный Суд РФ исходил из того, что понятие „пропаганда“ предполагает активные публичные действия по формированию в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо деятельность, имеющую цель побудить или побуждающую лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения, в связи с чем запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений не препятствует реализации права получать и распространять информацию общего, нейтрального содержания о нетрадиционных сексуальных отношениях, проводить публичные мероприятия в предусмотренном законом порядке, в том числе открытые публичные дебаты о социальном статусе сексуальных меньшинств, не навязывая их жизненные установки несовершеннолетним как лицам, не способным в силу возраста самостоятельно критически оценить такую информацию (определения от 15 августа 2012 г. № 1-АПГ12-11, от 7 ноября 2012 г. № 87-АПГ12-2 и от 27 февраля 2013 г. № 46-АПГ13-2).

Соответственно, оценка конкретных действий лица как подпадающих под запрет, установленный частью 1 статьи 6.21 КоАП РФ, предполагает недопустимость формального подхода при принятии решения судами общей юрисдикции, которые должны *учитывать весь комплекс фактических обстоятельств, подтверждающих или, напротив, опровергающих наличие в этих действиях признаков противоправной пропаганды или навязывания информации*, направленности на недопустимую популяризацию среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений, а также *время, место и способ распространения соответствующей информации, мотивы, которыми руководствовались распространявшее ее лицо, в том числе с точки зре-*

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

ния их значения для обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам» (курсив наш. — Д. О.).

Исходя из конституционно-правовых доктрин все предельно ясно, а вопросы квалификации административного правонарушения так и остались на усмотрение правоприменителя. Каким бы ни было высказывание на любую тему, оно все равно останется высказыванием именно на эту тему, которая все равно будет противоречить конституционным устоям, а в любой дискуссии или простом споре отстаивание точки зрения может быть интерпретировано как пропаганда.

Представленные виды высказываний, сопряженных с совершением административных правонарушений, сами по себе не являются чем-то вопиющим и угнетающим человеческую личность. Стоит, например, сравнить бранную песню, которую некий субъект распевает на пустынной улице, с общим шумовым эффектом, который создают торговки на рынке, или рекламными призывами по громкоговорящим устройствам. При этом второй случай ненаказуем, несмотря на всю назойливость этих бестолковых призывов. Сама по себе толчея и давка на площади также ненаказуемы, хотя настойчивые просьбы индивида иногда называют оскорбительным приставанием. Можно впустую судачить с соседкой-пенсионеркой о том, куда уехал сосед-судья, которого защищают от нападения, но для осведомленного официального лица это будет наказуемо в административном порядке. Можно открыто излагать на научной конференции информацию об уровне коррупционной пораженности, криминологической картине и финансовой необеспеченности муниципалитетов в России, пригласив туда сотрудников спецслужб иностранных государств, что представляет явную угрозу национальной безопасности, но такая инициатива ненаказуема. Еще неизвестно, что сможет нанести больше вреда: только отдельные циничные вопли или углубленное изучение запрещенных идеологий, деятельности запрещенных организаций и т. п.

Нужно признать, что такого рода высказывания, сопряженные с ними деяния в обществе, точнее в отдельных социальных группах, *не одобряют*. Конституционный Суд РФ в вышеприведенном постановлении говорил именно об этом. Так что административное правонарушение лишилось одного из существенных признаков — создания им угрозы для общественных отношений. Если для конкретных лиц данное правонарушение носит неприятный оттенок, вызывает у них отрицательные эмоции, так пусть и защищаются от него в частноправовом порядке. В целом же для общества такие поступки юридически нейтральны. Если следовать обратной логике (поступки опасны, вредны, антиобщественны), то нужно устанавливать административную ответственность за кашель в филармонии, разговоры по сотовому телефону в общественном транспорте, пересуды торговки на рынке и т. д. только потому, что кому-то это не нравится.

Такое предложение не исключает вмешательства администрации. Когда частные неудобства приобретают общественное значение, безусловно должна последовать правоохранительная реакция для устранения раздражающего фактора: пьяницу, распоясавшегося хулигана или язвительного насмешника по просьбе граждан можно удалить из поля зрения, но предъявление к ним иска — не полицейский вопрос. В данном случае смешаны угроза социальным ценностям (правопорядку в целом) и случайная череда частных неприятностей.

Кроме того, действия или бездействие, носящие оценочный характер, также должны пресекаться, но не наказываться. Хватит разглагольствовать о появлении в состоянии опьянения в общественном месте (ст. 20.21 КоАП РФ) как о поступке, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Сколько субъектов в таком состоянии появляется в канун Нового года на улицах, и что, все наказаны?¹ Этот

¹ Однако стоит сказать, что в Пасху будет крестный ход с песнопениями (заметим, без распятия чего-либо горячительного), тут же получишь запрет от местной администрации, так как ночь на дворе, а инициаторам массового мероприятия грозит наказание.

лицемерный состав и ему подобные должны быть исключены из КоАП РФ. Такие лица нуждаются в лечении и социальном внимании, а применение к ним санкций только затрудняет их положение.

Могут последовать возражения: как быть с теми составами, что предусматривают ответственность за высказывания, пограничные с преступлениями (заведомо ложные сведения, экспертные заключения, пропаганда запрещенных организаций и т. д.)? Эти составы должны вернуться туда, где им отведено надлежащее место, — в УК РФ. Однако их следует считать привилегированными составами с соответствующими «мягкими» профилактическими санкциями, а также особыми правилами назначения наказаний и освобождения от уголовной ответственности. Не нужно придумывать специального понятия «уголовный проступок», чтобы не стирать грань между преступлениями и административными правонарушениями¹, так как есть глубинные несоответствия составов преступлений и административных правонарушений (об этом позже), не следует одинаково называть их, а также фиксировать нормы ответственности за их совершение в разных кодексах.

Так, в ст. 5.16 КоАП РФ и 141 УК РФ одинаково говорится о подкупе избирателей, также сходны ст. 5.18 КоАП РФ и 141¹ УК РФ или ст. 5.26 КоАП РФ и 148 УК РФ, ст. 5.53 КоАП РФ и 183 УК РФ, ст. 6.16¹ КоАП РФ и 228 УК РФ, ст. 7.27 и около десяти статей УК РФ с разными составами посягательства на чужое имущество, отличающимися только по величине последствий и способам совершения противоправных деяний. Стоит ли в большинстве статей КоАП РФ повторять фразу о возможности привлечения к административной ответственности, если деяния не влекут уголовной ответственности? К чему такая путаница для правоприменителей и вопиющий коррупциогенный фактор (наличие субъективного выбора между уголовной или административной ответственностью), когда перед нами обычный или привилегированный составы преступления? При этом на функционирование исполнительной власти полномочия по применению санкций за такие правонарушения влияют косвенно, так как ею не устанавливаются правила регулирования в данных сферах (в избирательных отношениях, сфере собственности, области оборота наркотических средств и др.). Почему родилась высказанная позиция? Ведь может последовать шквал обвинений в том, что за каждую мелочевку применяем уголовную репрессию.

Неужели на протяжении столетий не хватило здравого смысла, чтобы понять, что некоторые вербальные правонарушения по своей разрушительной силе еще более страшны, чем преступления с простой причинностью? Если угроза убийством в отношении одного лица уголовно наказуема, то почему логические доводы и призывы об истреблении народов влекут лишь «комариные укусы»? Часть 2 ст. 13.15 КоАП РФ гласит: «Распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ „О противодействии экстремистской деятельности“, без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена, —

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере *от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей* с конфискацией предмета административного правонарушения; на должностных лиц — *от четырех тысяч до пяти тысяч рублей* с конфискацией предмета административного правонарушения; на юридических лиц — *от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей* с конфискацией предмета административного правонарушения».

¹ Степаненко Ю. В. КоАП РФ накапливает отрицательный потенциал // Современный юрист. 2014. № 3.

Могут возразить: «Что же здесь опасного? Лучше об этом не слышать и не знать, лучше загнать эту мерзость в небытие, а кто о ней вспоминает, пусть поплатится серьезным штрафом». Но нельзя забывать, что одного мимолежного упоминания может быть достаточно, чтобы последствия общественных волнений стали катастрофическими: «Толпа потенциально может быть чем угодно, и только случай дает тот или другой исход ее силам. Однако здесь есть особенность: *случай*, т. е. слово или крик человека, является по отношению к толпе бесконечно более важным, чем по отношению к отдельному человеку. Отдельный человек – в обществе, в нормальном состоянии – всегда более или менее мало воспламеняемая материя... толпа, наоборот, всегда похожа на кучу сухого пороха: если вы приблизите к ней фитиль, то взрыв не заставит себя долго ждать»¹. Административно наказуемые высказывания и есть такие фитили, не будем ждать, когда они воспламят общественные настроения.

Может быть, честно объявить: если эксперт дает заведомо ложное заключение в уголовном процессе – это уголовно наказуемое деяние (ст. 307 УК РФ), в производстве по делу об административном правонарушении – административно наказуемое действие (ст. 17.9 КоАП РФ), в гражданском процессе – гражданско-процессуальное нарушение порядка судебного заседания, а для исполнительного производства придумаем санкции, юридическая природа которых пока неясна? Процессы разные, значит, и ложь должна быть в них разная, не так ли? Почему-то в гражданском и уголовном процессе законодатель сделал ложь уголовно наказуемой, а в производстве по делам об административных правонарушениях пошел на значительное смягчение карательной реакции. Конечно, что важного в заключении эксперта при рассмотрении дела о недостоверном декларировании товаров, когда ошибка может привести к многомиллионным потерям бюджета и репутационным рискам государства? Наверно, куда важнее правильно диагностировать полученную при побоях пару гематом, которые заживут за неделю? Каким бы ни был процесс, каким бы ни был вопрос к эксперту, ложь всегда останется ложью, поэтому наказуемость должна быть одинакова и предусмотрена одним кодексом. Иначе предлагаем на выбор ложь в разных процессах называть по-разному: неправда, неточность, брехня, вранье, вздор, обман, заблуждение, измышления, вымысел, хитрость, выдумка, кривда и др. – под каждый закон своя квалификация лжи.

Кстати, таким казуальным приемом отечественный законодатель пользуется с большим воодушевлением. Например, он различным образом подходит к квалификации неправомерного влияния на деятельность представителей власти, защищая установленный порядок управления применительно к органам исполнительной власти, а равно охраняя деятельность избирательных комиссий и комиссий референдума (ст. 5.3), государственных внебюджетных фондов (ст. 15.10), членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы (ст. 17.1), Уполномоченного по правам человека (ст. 17.2), Уполномоченного при Президенте РФ по правам предпринимателей (ст. 17.2²), судей (ст. 17.4), прокурора, следователя, дознавателя, лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении (ст. 17.7), Банка России (ст. 19.7³).

Несомненно, что реализацию прав и законных интересов любых лиц необходимо обеспечивать мерами ответственности. Но почему на одной параллели находятся властные и коммерческие организации, представители правоохранительных органов и структур, играющих вспомогательную роль в бюджетном процессе (фонды)? И совершенно непонятно, почему одинаково защищаются административными санкциями предписания Банка России (неисполнение его предписаний в силу ч. 9 ст. 19.5 КоАП РФ влечет назначение административного штрафа до 700 тыс. руб.) и Ростехнадзора. Ничего не скажешь, эти два ведомства – просто братья-близнецы. А главное, чем они принципиально отличаются от иных органов государственного контроля (надзора), чьи

¹ Сигеле С. Преступная толпа. М., 1998. С. 52.

предписания охраняются лишь санкцией в 20 тыс. руб. (ч. 1 ст. 19.5 КоАП РФ)? Как верно отметил Ю. В. Степаненко, нормы создаются путем клонирования, а суть запрета не меняется, т. е. множим одну и ту же норму, неоправданно увеличивая объем кодифицированного материала¹.

Допустим, административная ответственность заключается в применении наказаний за противоправные влияния на организации с публичным элементом, например с государственным участием. Но почему тогда отсутствуют административные наказания за невыполнение требований врачей и учителей государственной и муниципальной систем здравоохранения и образования, за невыполнение требований госкорпораций и госкомпаний и т. д.? Более того, административная ответственность может быть установлена в целях защиты субъективных прав. В этом случае один гражданин (организация) должен отвечать перед другим (другой) за неправомерное влияние на его (ее) нормальную жизнедеятельность, а вместо этого отвечает перед государством (ст. 5.16, 5.26, 5.27, 5.41, 5.43, 5.61, 14.4, 14.8, 14.10 КоАП РФ).

Смеем предположить, что административная ответственность – это публичный механизм защиты гражданских (частных) прав, когда исковая защита непригодна из-за сущности требований ввиду незначительности или фактической невозможности исполнения обязательств. Действительно, если нарушен график отпусков и нужно выходить на работу, судебное оспаривание лето не вернет; если потребителя обвесили на 10 руб., то он не пойдет в суд, так как дороже стоит бумага на составление искового заявления и проезд до здания суда; никто не будет взыскивать с безбилетника 23 руб. за неоплаченный проезд; кроме того, если медицинская организация сообщила о факте обращения работника за лечением его работодателю, назад эту информацию не отозвать. Но во всех названных случаях нужно как-то реагировать, вот и ввели «механизм испуга» – административные наказания. Только гражданину от этого ничуть не лучше: в отпуск он так и не сходил, деньги не вернулись, шепотки по поводу его отсутствия на работе не смолкают. Перед нами система фиктивных штрафов, хотя требуется компенсационный механизм. Не случайно Н. Г. Салищева подчеркивает, что, «конечно, с точки зрения ведомственных интересов гораздо проще ввести административные санкции по формальному основанию нарушения тех или иных правил, чем определять фактический ущерб и оценивать иные последствия нанесения вреда государству и обществу в гражданско-правовом порядке, где орган публичной власти выступает в качестве истца от имени государства»².

Более того, нормы административного права зачастую предусматривают санкции, следующие за нарушение гражданско-правовых обязательств, причем меры исковой защиты в таких случаях вполне пригодны. Незаконные действия по усыновлению (удочерению) ребенка, передаче его под опеку (попечительство) или в приемную семью (ст. 5.37) влекут признание недействительности принятого решения; лица, нарушившие такой порядок, понесут лишь имущественные и временные потери. Ситуация останется status-quo. Любой факт дискриминации (ст. 5.62) успешно устраняется путем судебной защиты и восстановления нарушенного права, равно как и незаконно отчисленный (исключенный) из образовательной организации учащийся (ст. 5.57) просто восстанавливается в составе обучающихся лиц.

Приведем некоторые другие примеры нарушения субъективных прав, имеющих собственный отраслевой механизм защиты.

Включение в положение (регламент) об официальном спортивном соревновании требований о запрете на противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования, а также о запрете на участие спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей спортивных команд и других участников официального спор-

¹ Степаненко Ю. В. Указ. соч.

² Там же.

тивного соревнования в азартных играх в букмекерских конторах и тотализаторах путем заключения пари на официальное спортивное соревнование (ст. 6.22) носит сугубо корпоративный характер. Если стороны путем внутреннего разбирательства признают, что результаты игры были подтасованы, пусть играют заново и (или) возмещают друг другу убытки, вообще говоря, пусть делают, что хотят, нечего загружать административные инстанции частными вопросами.

Самовольное занятие земельного участка, водного объекта, лесного участка (ст. 7.1, 7.6, 7.9) сопровождается их освобождением и возмещением убытков. В этих случаях административные инстанции вообще не нужны, они еще и крайне нераспорочны и неэффективны в таких делах. Также нужно учитывать, что испорченные земли административными штрафами не восстановишь (ст. 8.6). А уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 7.17) можно компенсировать возмещением вреда; испорченные электрические и тепловые сети, топливопроводы (ст. 9.7, 9.10), телефоны-автоматы (ст. 13.24) – привести в пригодное для эксплуатации состояние; похищенное недорогое имущество – возратить или оплатить (ст. 7.27), не возбуждая полицейского внимания и не доводя дело до летального исхода¹; безбилетника (ст. 11.18) проще отругать (без позорящих фраз, унижения и фанатизма) и высадить из транспортного средства, если он не собирается заключать соответствующий договор, или прибегнуть к исковой защите, если услуга оказана и является дорогостоящей. Проданный товар ненадлежащего качества можно просто возратить, получив обратно оплату, или прибегнуть к иным средствам защиты прав потребителей (ст. 14.4), аналогично последствия обмана (ст. 14.7 и 14.8) легко устранить, а информация может быть оперативно предоставлена. В свою очередь, если кредит получен незаконно, то его следует вернуть (ст. 14.11); если дисквалифицированное лицо управляет предприятием, то его нужно уволить, а вновь назначенному руководителю предстоит урегулировать вопросы действительности сделок и иных юридически значимых действий, совершенных названным лицом (ст. 14.23).

Можно продолжить внушительный перечень нарушений чужих субъективных прав, которые, как правило, не затрагивают публичные интересы, а значит, не требуют привлечения административных органов. Для публичного управления такие составы нейтральны. Вероятно, следующая фраза прозвучит резко, но наличие подобного рода составов лишь захламляет правовой массив КоАП РФ, и лучше их устранить из текста Кодекса.

Можно предложить и иной подход: административная ответственность наступает за нарушение требований исключительно административных актов. Действительно, случаи, когда невыполнение решений государственной администрации влечет применение административных наказаний, встречаются очень часто, однако с той же завидной частотой уголовная ответственность наступает и за нарушение требований административных актов, например за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138¹ УК РФ)², нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181 УК РФ)³, незаконные экспорт из РФ или передачу сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения,

¹ Россиян потрясла история о бабушке, которую несправедливо обвинили в краже масла в «Магните», после чего она скончалась // URL: http://www.dp.ru/a/2015/02/06/Istorija_o_babushke-blokadn.

² Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: постановление Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 287 // СЗ РФ. 2012. № 16. Ст. 1885.

³ Об утверждении Инструкции по осуществлению пробирного надзора: приказ Минфина РФ от 11 января 2009 г. № 1н // БНА РФ. 2009. № 12.

вооружения и военной техники (ст. 189 УК РФ)¹, незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191)², а дальше – обвал: ст. 215–220, 222, 222¹–225, 228–228⁴, 231, 234–238¹, 243¹ и др.

Однако вот что следует вывести даже из представленного негативного опыта формального юридического исследования: «Не исключает возможности признания за административными правонарушениями признака общественной опасности и уголовное законодательство. Оно не претендует на „охват“ всех общественно опасных деяний, оставляя за рамками уголовного закона какую-то их часть. Так, ч. 2 ст. 2 УК РФ указывает, что Уголовный кодекс определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. То есть некоторые общественно опасные деяния не признаны преступлениями, и, соответственно, именно часть таких деяний признается административными правонарушениями»³. Не вникая в спор относительно опасности административных правонарушений, укажем: в большинстве исследований отмечается, что такие деяния должны быть отнесены к *антиобщественным*. Может быть, как раз в этом утверждении кроется ключ к решению проблемы о сущности административной деликтации деяний?

К сожалению, нет. Административные правонарушения могут заключаться в посягательстве одного гражданина на права и свободы другого гражданина (вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ – ст. 6.10) или посягательстве гражданина на общественные устои (появление в общественных местах в состоянии опьянения – ст. 20.21), или игнорировании им установленного порядка реализации властных функций (умышленное повреждение или срыв печати (пломбы) – ст. 19.2). Кроме того, возможны посягательства со стороны организаций на права и законные интересы граждан (незаконная частная детективная или охранный деятельность – ст. 20.16), на общественные устои (блокирование транспортных коммуникаций – ст. 20.18), государственный правопорядок (воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), органа муниципального контроля – ст. 19.4¹). Вместе с тем представители публичной власти также могут нести административную ответственность за посягательства на права и законные интересы граждан (нарушение порядка рассмотрения обращений граждан – ст. 5.59), институты гражданского общества (ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления – ст. 14.9), а также на установленный порядок реализации властных полномочий (нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг – ст. 5.63).

Итак, административным правонарушениям нельзя присваивать признак антиобщественности, поскольку они могут быть направлены и против личности, и против устоев

¹ Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль: Указ Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661 // СЗ РФ. 2011. № 52. Ст. 7563; Об утверждении Правил организации и проведения проверок российских участников внешнеэкономической деятельности, осуществляющих внешнеэкономические операции с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов: постановление Правительства РФ от 13 июня 2012 г. № 582 // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3378; Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по техническому и экспортному контролю по предоставлению государственной услуги по предоставлению российским организациям специального разрешения на осуществление деятельности по проведению независимой идентификационной экспертизы товаров и технологий в целях экспортного контроля: приказ ФСТЭК России от 24 апреля 2013 г. № 50 // Рос. газ. 2013. 9 окт.

² Об утверждении Правил скупки у граждан ювелирных и других бытовых изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней и лома таких изделий: постановление Правительства РФ от 7 июня 2001 г. № 444 // СЗ РФ. 2001. № 24. Ст. 2456.

³ Попугаев Ю. И. Указ. соч.

общества, и против интересов государства, т. е. можно сделать вывод, что структура составов административных правонарушений слишком расплывчата.

Кстати, в последнее время в законодательстве проявилась тенденция к применению к представителям публичной власти одновременно дисциплинарной и административной ответственности. Полагаем, ей надо срочно воспрепятствовать. С одной стороны, появление таких составов бесполезно, так как они лишь отчасти действенны в отношении государственных гражданских служащих и иных публичных представителей, а привлечение к административной ответственности сотрудников милитаризованных структур не производится в силу ст. 2.5 КоАП РФ. С другой стороны, невыполнение представителями государственной власти собственных требований, установленных для «внутреннего потребления», влечет ответственность исключительно дисциплинарную, придавать ей иные черты незачем, все равно отвечать придется перед линейным руководителем. В данном случае имеются в виду составы административных правонарушений, предусмотренные ст. 5.38, 5.39, 5.59, 5.62, 5.63, 6.30, 7.29–7.32¹ (касаются нарушения законодательства о контрактной системе), 13.16, 13.27, 13.28, 14.25, 14.35, 15.14, 15.15–15.15¹⁵, 17.13, 19.6¹, 19.6². Все названные составы можно исключить из КоАП РФ без ущерба для правопорядка, так как они не выполняют определенные Кодексом задачи, а только поддерживают внутриорганизационную дисциплину в государственном аппарате.

Скажем несколько слов об опасности административных правонарушений. Ю. П. Оноколов предлагает два критерия преюдициального действия норм с первичной административной репрессией: 1) составы административных правонарушений и преступлений — это одно и то же, только субъект, неоднократно совершавший административные правонарушения, становится опасным; 2) если многократное применение норм об административной ответственности не сработало, от нее следует отказаться и прибегнуть к уголовной репрессии¹. Вопросы к автору приведенного высказывания: все ли составы административных правонарушений, совершенных неоднократно, характеризуют поведение как опасное? Всегда ли субъект, неоднократно совершивший разнородные нарушения, становится опасным? В случае положительного ответа следует ввести правило о том, что за неоднократное совершение нарушений некриминального характера, указанных в любой главе КоАП РФ, следует привлекать к уголовной ответственности (например, за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (ст. 6.3) и последующее самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа (ст. 7.19) — привлекать по ст. 215¹ УК РФ «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения»). Хотя, по мнению Ю. П. Оноколова, такие метаморфозы возможны только в отношении тождественных составов административных правонарушений и преступлений, но их в КоАП РФ и УК РФ наберется лишь несколько десятков. Как тогда быть с остальными? Следует признавать их опасными? В административно-правовой литературе советского периода разница между двумя кодексами заключалась хотя бы в опасности нарушений, теперь же в КоАП РФ содержатся нормы о нарушениях, одни из которых вследствие неоднократности совершения могут стать опасными, а другие нет. Почему?

Некоторые административные правонарушения вообще являются действиями или бездействием с надуманной противоправностью, так как нарушители создают неудобства сами себе. Приведем примеры:

грубое нарушение правил ведения бухгалтерского учета и представления бухгалтерской отчетности (ст. 15.11): это корпоративный вопрос, сами запутались, сами и разбирайтесь;

¹ Оноколов Ю. П. Указ. соч. С. 20–23.

нарушение правил приобретения более 30 % акций открытого акционерного общества (ст. 15.28): заинтересованные лица, оспаривайте, если есть желание и основания (по этой статье за девять лет ее существования была рассмотрена всего сотня дел);

нарушение законодательства о наименованиях географических объектов (ст. 19.10): переименуйте, как следует, и не теряйте время на юрисдикцию;

умышленная порча документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), либо утрата документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), по небрежности (ст. 19.16): так восстановите, он готов оплатить расходы, так как никому, кроме себя, не навредил;

неоповещение граждан о вызове их по повестке военного комиссариата или иного органа, осуществляющего воинский учет (ст. 21.2): самим сотрудникам военкомата нужно ходить и запросы посылать, человек, может быть, в дальней командировке, где и связи с ним нет;

несоблюдение порядка государственной регистрации прав на недвижимое имущество или сделок с ним (ст. 19.21): соответствующие права не возникнут только у заинтересованного лица, а для государства это не имеет особого значения;

нарушение сроков хранения рекламных материалов (ст. 19.31): просто они больше не нужны, зачем их хранить, если такая реклама неэффективна?

Можно ли после устранения из КоАП РФ всех составов криминального, преюдициального, ритуального и другого интервенционного характера судить об опасности или иных свойствах административных правонарушений? Если окинуть взглядом весь нормативный массив КоАП РФ, хоть исключив, хоть сохранив «статьи-изгои», станет очевидно, что эти нарушения вовсе не опасны, а выступают *нежелательными прелятствиями* в определенной системе администрирования, факторами, мешающими в отдельных случаях нормальному функционированию административных органов. Если последним не предоставят информацию, они все равно ее получают иными способами; если кто-то не подчинится требованиям комендантского часа, на него найдутся другие средства вразумления, если кто-то превысит скоростной режим, контроль ДПС от этого не ослабнет и не усилится, а будет осуществляться иными средствами. Доводы можно продолжить, но в целом вывод ясен: общий порядок управления легче поддерживать с помощью угрозы ответственности, чем использовать иные меры административно-правового принуждения.

Следовало бы устранить из структуры составов административных правонарушений еще один элемент, попавший в нее по недоразумению, – ответственность юридических лиц. Интересно, задумывались ли законодатели о том, кто именно реально понесет ответственность за эти нарушения, когда формировали их составы?

«Нарушение лицами, ответственными за содержание жилых домов и (или) жилых помещений, правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений либо порядка и правил признания их непригодными для постоянного проживания и перевода их в нежилые, а равно переустройство и (или) перепланировка жилых домов и (или) жилых помещений без согласия нанимателя (собственника), если переустройство и (или) перепланировка существенно изменяют условия пользования жилым домом и (или) жилым помещением, –

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей» (ст. 7.22 КоАП РФ).

У этих ответственных лиц нет собственных денег, отвечать за их «проделки» будут те жильцы, которые обратились с жалобой на привлечение указанных субъектов к административной ответственности.

«Нарушение нормативного уровня или режима обеспечения населения коммунальными услугами —

включает наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пятисот до одной тысячи рублей; на юридических лиц — от пяти тысяч до десяти тысяч рублей» (ст. 7.23 КоАП РФ).

Вновь придется сброситься и заплатить штраф за виновника коммунальной вакханалии, так как иных денег, кроме тех, что получены от потребителей услуг, у него нет.

Аналогичная ситуация складывается, когда юридические лица привлекаются к административной ответственности по ст. 7.23³ «Нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами», 7.27¹ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» (придется еще пятерых обмануть, чтобы собрать деньги на уплату пятикратного размера штрафа). Безусловно, очень рисковали клиенты лиц, которые нарушили требования ст. 14.1¹, 14.1¹⁻¹, касающихся азартных игр. Их риск оправдался: деньги уйдут на уплату административных штрафов. Также пусть успокоятся дольщики: они приложили немало усилий, чтобы оплатить полумиллионный штраф по ст. 14.28 КоАП РФ.

Неужели неясно, что чаще всего юридические лица несут административную штрафную ответственность за счет тех лиц, которые прямо или косвенно пострадали от их неправомерных действий? Причем нередко пострадавшими оказываются их работники, вообще никаких правонарушений не совершавшие (объем денежных средств сокращается, деятельность приостанавливается или прекращается, имущество конфискуется).

Вновь слышатся настойчивые призывы признать устоявшимся принцип, согласно которому ответственность юридических лиц публичного права — это форма ответственности государства за деятельность его представителей¹. Ответственность, простите, перед кем? Видимо, перед самим собой: перечисляются деньги с одной статьи бюджета на другую или изымается часть прибыли госкомпаний и госкорпораций, чтобы потом профинансировать возникшие убытки. А в чем ответственность, если ничего не меняется? Кто-нибудь на минуту может представить себе приостановление деятельности налогового органа или органа внутренних дел, организации, выполняющей государственный оборонный заказ? А ст. 3.12 КоАП РФ вполне такое допускает. Вопрос не в том, выступает ли организация в тех или иных отношениях как юридическое лицо, а в том, каким публично-правовым статусом она обладает. Поэтому деликтный статус представителей власти или носителей государственных функций безусловно должен быть пересмотрен².

Поскольку подходы к установлению объекта и субъекта административной ответственности оказались неудачными, впору задать вопрос: может быть, здесь есть некий особый субъект, отсутствующий в иных отраслях права? Действительно, есть. В административной практике нет генерального субъекта, типичного человека и гражданина, юридического лица, организации, жителя территории и т. д., в этих правоотношениях, будь они позитивные или деликтные, всегда присутствует специальный субъект ответственности — обладатель специального статуса, который возник в силу индивидуального административного акта или вследствие установления специального административно-правового режима. С одной стороны, такие правоотношения можно назвать ситуационными мегадисциплинарными, так как обладатель специального статуса отвечает перед каждым уполномоченным представителем административной власти (водитель обязан подчиняться требованиям любого сотрудника ДПС, представи-

¹ Адарченко Е. О. Административная ответственность юридических лиц публичного права // Административное и муниципальное право. 2013. № 9.

² Кстати, этот вопрос далеко не новый, основные проблемы, вследствие которых административная ответственность превращается в официальную фикцию, были ясно обозначены Н. А. Морозовой (Морозова Н. А. О целесообразности привлечения к административной ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления // Рос. юрид. журн. 2014. № 1).

тель некоммерческой организации – требованиям инспектора органа государственного контроля (надзора), а служащий – требованиям представителя нанимателя). С другой стороны, эти правоотношения следует считать трансформационными стационарными дисциплинарными, так как попав в сферу действия того или иного режима, носитель соответствующего статуса отчасти его лишается и оказывается во власти инстанции, ответственной за поддержание данного режима. Поэтому и нищий, и олигарх, и глава администрации и региональный депутат, и налоговый и таможенный инспекторы будут обязаны подчиниться требованиям органа, ответственного за проведение контртеррористической операции. Или приведем примеры полегче: всем придется прекратить курить в здании школы, предъявить паспорт пограничным органам. При этом нарушение административно-режимных требований будет иметь хотя и разные последствия, но одинаковую квалификацию.

Путаница в определении объекта административного правонарушения произошла по очень простой причине: на протяжении десятилетий не было желания понимать, что управление как деятельность и деятельность, которой управляют, – это не одна и та же деятельность, и потому нормы об административной ответственности устанавливали за нарушение правил ведения обоих видов деятельности одновременно.

Необходимо навсегда запомнить, что «самое интуитивное представление об управлении говорит о том, что это деятельность, объектом которой является другая деятельность».

Система управления имеет „матрешечную структуру“: управляемая система не только „захватывается“ на место объекта управления, но и „рефлексивно поглощается“ – становится объектом знания управляющей системы об управляемой и благодаря этому „включается“ в управляющую систему.

Объемлющая система управляет развитием объемлемой, опираясь на различные типы управленческих знаний и осуществляя на нее организационно-техническое воздействие»¹.

Итак, административная ответственность может быть установлена за нарушение режимов регистрации, лицензирования, технического регулирования в сфере собственности, но не за посягательства на собственность; либо за нарушение порядка администрирования таможенных и налоговых платежей, но не за нарушение денежных обязательств перед государством; либо за нарушение установленных требований по допуску транспортных средств к участию в дорожном движении, но не правил их эксплуатации.

Можно заключить, что административная ответственность должна устанавливаться за нежелательное воздействие на общий порядок государственного управления, препятствующее нормальной реализации функций по его поддержанию, носящее фрагментарный характер и не создающее угрозу безопасности самому порядку управления и управляемым отношениям.

Библиография

Агапов А. Б. Публичное принуждение или общественная санация... // Административное и муниципальное право. 2013. № 7.

Адарченко Е. О. Административная ответственность юридических лиц публичного права // Административное и муниципальное право. 2013. № 9.

Гараев А. А. Административная конфискация // Административное и муниципальное право. 2014. № 8.

Дерюга А. Н., Мотрович И. Д. Причины латентности административных правонарушений // Административное право и процесс. 2013. № 7.

Дивин И. М. К вопросу об определении понятия «административная ответственность» // Административное право и процесс. 2013. № 10.

¹ Лекции П. Г. Щедровицкого 2010–2014 гг., с 2011 г. объединенные тематикой разделения труда. С. 82 // URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/180>.

Зырянов С. М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // Журн. рос. права. 2014. № 1.

Калантарова Э. И. Актуальные проблемы законодательного регулирования административной ответственности за правонарушения в области налогового законодательства // Административное право и процесс. 2014. № 1.

Лекции П. Г. Щедровицкого 2010–2014 гг., с 2011 г. объединенные тематикой разделения труда // URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/180>.

Ломакина В. Ф. Актуальные вопросы правового регулирования административной ответственности в России // Административное право и процесс. 2014. № 9.

Морозова Н. А. О целесообразности привлечения к административной ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления // Рос. юрид. журн. 2014. № 1.

О мерах по коренному повышению качества продукции: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12 мая 1986 г. № 540 // СП СССР. 1986. № 24. Ст. 139.

О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения: указ Президиума ВС РСФСР от 16 мая 1985 г. № 398-XI // Ведомости ВС РСФСР. 1985. № 21. Ст. 738.

О плане распределения бюджетных путевок в санатории республиканского подчинения для детей с нетуберкулезными заболеваниями и коек в клиники научно-исследовательских институтов курортологии и физиотерапии: приказ Минздрава РСФСР от 19 октября 1981 г. № 606 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

О размерах материальной ответственности лиц, виновных в хищении, недостаче и сверхнормативных потерях валютных и некоторых других ценностей: постановление Совмина СССР от 26 апреля 1982 г. № 344 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов: указ Президиума ВС СССР от 23 мая 1986 г. № 4719-XI // Ведомости ВС СССР. 1986. № 22. Ст. 364.

Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по техническому и экспортному контролю по предоставлению государственной услуги по предоставлению российским организациям специального разрешения на осуществление деятельности по проведению независимой идентификационной экспертизы товаров и технологий в целях экспортного контроля: приказ ФСТЭК России от 24 апреля 2013 г. № 50 // Рос. газ. 2013. 9 окт.

Об утверждении Инструкции по осуществлению пробирного надзора: приказ Минфина РФ от 11 января 2009 № 1н // БНА РФ. 2009. № 12.

Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: постановление Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 287 // СЗ РФ. 2012. № 16. Ст. 1885.

Об утверждении Положения о расследовании и учете несчастных случаев на производстве: постановление Президиума ВЦСПС 13 августа 1982 г. № 11-6 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов: указ Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 12. Ст. 254.

Об утверждении Правил организации и проведения проверок российских участников внешнеэкономической деятельности, осуществляющих внешнеэкономические операции с товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов: постановление Правительства РФ от 13 июня 2012 г. № 582 // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3378.

Об утверждении Правил скупки у граждан ювелирных и других бытовых изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней и лома таких изделий: постановление Правительства РФ от 7 июня 2001 г. № 444 // СЗ РФ. 2001. № 24. Ст. 2456.

Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль: Указ Президента РФ от 17 декабря 2011 г. № 1661 // СЗ РФ. 2011. № 52. Ст. 7563.

Об утверждении уточнений Основных положений о премировании работников производственных объединений (комбинатов) и предприятий промышленности за основные результаты хозяйственной деятельности: постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 24 июля 1980 г. № 214/П-8 // Бюл. Госкомтруда СССР. 1980. № 10.

Оноколов Ю. П. Институт административной преюдиции как инструмент противодействия преступлениям и иным правонарушениям // Таможенное дело. 2014. № 2.

Попугаев Ю. И. О признаках административного правонарушения с позиции процесса деликвизации деяния // Административное право и процесс. 2014. № 1.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

Россиян потрясла история о бабушке, которую несправедливо обвинили в краже масла в «Магните», после чего она скончалась // URL: http://www.dp.ru/a/2015/02/06/Istorija_o_babushke-blokadn.

Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9.

Сигеле С. Преступная толпа. М., 1998.

Степаненко Ю. В. КоАП РФ накапливает отрицательный потенциал // Современный юрист. 2014. № 3.

Типовое положение об оплате труда руководящих работников, специалистов и служащих совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий: приложение 2 к постановлению Госагропрома СССР, Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 30 июня 1986 г. № 15/241/П-7 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliography

Adarchenko E. O. Administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskix lic publicnogo prava // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 9.

Agapov A. B. Publichnoe prinuzhdenie ili obshhestvennaya sanaciya... // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 7.

Deryuga A. N., Motrovich I. D. Prichiny latentnosti administrativnyx pravonarushenij // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 7.

Divin I. M. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «administrativnaya otvetstvennost'» // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 10.

Garaev A. A. Administrativnaya konfiskaciya // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2014. № 8.

Kalantarova Eh. I. Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya administrativnoj otvetstvennosti za pravonarusheniya v oblasti nalogovogo zakonodatel'stva // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 1.

Lekcii P. G. Shhedrovickogo 2010-2014 gg., s 2011 g. ob"edinennye tematikoje razdeleniya truda // URL: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/180>.

Lomakina V. F. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya administrativnoj otvetstvennosti v Rossii // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 9.

Morozova N. A. O celesoobraznosti privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti organov gosudarstvennoj vlasti i organov mestnogo samoupravleniya // Ros. jurid. zhurn. 2014. № 1.

O merax po korennomu povysheniyu kachestva produkcii: postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 12 maya 1986 g. № 540 // SP SSSR. 1986. № 24. St. 139.

O merax po usileniyu bor'by protiv p'yanstva i alkogolizma, iskoreneniyu samogonovareniya: ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 16 maya 1985 g. № 398-XI // Vedomosti VS RSFSR. 1985. № 21. St. 738.

O plane raspredeleniya byudzhetnyx putevok v sanatorii respublikanskogo podchineniya dlya detej s netuberkuleznymi zabolovanijami i koek v kliniki nauchno-issledovatel'skix institutov kurortologii i fizioterapii: prikaz Minzdrava RSFSR ot 19 oktyabrya 1981 g. № 606 (dokument opublikovan ne byl) // SPS «Konsul'tantPlyus».

O razmerax material'noj otvetstvennosti lic, vinovnyx v xishhenij, nedostache i sverxnormativnyx poteryax valyutnyx i nekotoryx drugix cennostej: postanovlenie Sovmina SSSR ot 26 aprelya 1982 g. № 344 (dokument opublikovan ne byl) // SPS «Konsul'tantPlyus».

Ob usilenii bor'by s izvlecheniem netrudovyx doxodov: ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 23 maya 1986 g. № 4719-XI // Vedomosti VS SSSR. 1986. № 22. St. 364.

Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Federal'noj sluzhby po texnicheskomu i ehksportnomu kontrolyu po predostavleniyu gosudarstvennoj uslugi po predostavleniyu rossijskim organizacijam special'nogo razresheniya na osushhestvlenie deyatel'nosti po provedeniyu nezavisimoy identifikacionnoj ehkspertizy tovarov i texnologij v celyax ehksportnogo kontrolya: prikaz FSTEhK Rossii ot 24 aprelya 2013 g. № 50 // Ros. gaz. 2013. 9 okt.

Ob utverzhdenii Instrukcii po osushhestvleniyu probirnogo nadzora: prikaz Minfina RF ot 11 yanvarya 2009 № 1n // BNA RF. 2009. № 12.

Ob utverzhdenii Polozheniya o licenzirovanii deyatel'nosti po razrabotke, proizvodstvu, realizacii i priobreteniyu v celyax prodazhi special'nyx texnicheskix sredstv, prednaznachennyx dlya neglasnogo polucheniya informacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 12 aprelya 2012 g. № 287 // SZ RF. 2012. № 16. St. 1885.

Ob utverzhdenii Polozheniya o rassledovanii i uchete neschastnyx sluchaev na proizvodstve: postanovlenie Prezidiuma VCSPS 13 avgusta 1982 g. № 11-6 (dokument opublikovan ne byl) // SPS «Konsul'tantPlyus».

Ob utverzhdenii Polozheniya o tovarishheskix sudax i Polozheniya ob obshhestvennyx sovetax po rabote tovarishheskix sudov: ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 11 marta 1977 g. // Vedomosti VS RSFSR. 1977. № 12. St. 254.

Ob utverzhdenii Pravil organizacii i provedeniya proverok rossijskix uchastnikov vneshne-ehkonomicheskoy deyatel'nosti, osushhestvlyayushhix vneshneehkonomicheskie operacii s tovarami, informaciej, rabotami, uslugami, rezul'tatami intellektual'noj deyatel'nosti (pravami na nix), kotorye mogut byt' ispol'zovany pri sozdanii oruzhiya massovogo porazheniya, sredstv ego dostavki, inyx vidov vooruzheniya i voennoj texniki libo pri podgotovke i (ili) sovershenii terroristicheskix aktov: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13 iyunya 2012 g. № 582 // SZ RF. 2012. № 25. St. 3378.

Ob utverzhdenii Pravil skupki u grazhdan yuvelirnyx i drugix bytovyx izdelij iz dragocennyx metallov i dragocennyx kamnej i loma takix izdelij: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 iyunya 2001 g. № 444 // SZ RF. 2001. № 24. St. 2456.

Ob utverzhdenii Spiska tovarov i texnologij dvojnogo naznacheniya, kotorye mogut byt' ispol'zovany pri sozdanii vooruzhenij i voennoj texniki i v otnoshenii kotoryx osushhestvlyaetsya ehksportnyj kontrol': Ukaz Prezidenta RF ot 17 dekabrya 2011 g. № 1661 // SZ RF. 2011. № 52. St. 7563.

Ob utverzhdenii utochnenij Osnovnyx polozhenij o premirovanii rabotnikov proizvodstvennyx ob"edinenij (kombinatov) i predpriyatij promyshlennosti za osnovnye rezul'taty xozyajstvennoj deyatel'nosti: postanovlenie Goskomtruda SSSR, Prezidiuma VCSPS ot 24 iyulya 1980 g. № 214/P-8 // Byul. Goskomtruda SSSR. 1980. № 10.

Onokolov Yu. P. Institut administrativnoj preyudicii kak instrument protivodejstviya prestupleniyam i inym pravonarusheniyam // Tamozhennoe delo. 2014. № 2.

Popugaev Yu. I. O priznakax administrativnogo pravonarusheniya s pozicii processa deliktizacii deyaniya // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 1.

Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23 sentyabrya 2014 g. № 24-P po delu o pro-verke konstitucionnosti chasti 1 stat'i 6.21 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax v svyazi s zhaloboj grazhdan N. A. Alekseeva, Ya. N. Evtushenko i D. A. Isakova // Vestn. Konstitucionnogo Suda RF. 2014. № 6.

Rossiyan potryasla istoriya o babushke, kotoruyu nespravedlivo obvinili v krazhe masla v «Magnite», posle chego ona skonchalas' // URL: http://www.dp.ru/a/2015/02/06/Istorija_o_babushke-blokadn.

Salishheva N. G. Problemy pravovogo regulirovaniya instituta administrativnoj otvetstvennosti v Rossijskoj Federacii // Administrativnoe pravo i process. 2014. № 9.

Sigele S. Prestupnaya tolpa. M., 1998.

Stepanenko Yu. V. KoAP RF nakaplivaet otricatel'nyj potencial // Sovremennyy jurist. 2014. № 3.

Tipovoe polozhenie ob oplate truda rukovodyashhix rabotnikov, specialistov i sluzhashhix sovxozov i drugix gosudarstvennyx sel'skoxozyajstvennyx predpriyatij: prilozhenie 2 k postanovleniyu Gosagroproma SSSR, Goskomtruda SSSR, Prezidiuma VCSPS ot 30 iyunya 1986 g. № 15/241/P-7 (dokument opublikovan ne byl) // SPS «Konsul'tantPlyus».

Zyryanov S. M. Administrativnaya otvetstvennost' v sisteme publichno-pravovoj otvetstvennosti // Zhurn. ros. prava. 2014. № 1.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Смыкалин Александр Сергеевич

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: igp@usla.ru

Рассмотрены состояние очного, заочного (высшего и среднего) юридического образования в СССР в годы Великой Отечественной войны, научно-исследовательская деятельность юридических вузов, проблемы, с которыми им пришлось столкнуться. Показано, что даже в самые тяжелые годы система советского юридического образования продолжала действовать.

Ключевые слова: война, юридическое образование, миграция, Свердловский юридический институт

SOVIET LEGAL EDUCATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Smykalin Alexandr

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: igp@usla.ru

The article is devoted to the state of full time and distance (secondary and higher) legal education in the USSR during the Great Patriotic War, as well as to research activities of the legal higher education institutions and difficulties that they had faced. It is shown that even during the grave years of the War the system of Soviet legal education was regularly functioning.

Key words: war, legal education, migration, Sverdlovsk Law Institute

Во время Великой Отечественной войны советское образование, в том числе юридическое, столкнулось со многими проблемами. Учебные планы, разработанные на 1941/42 учебный год, оказались невыполнимыми. Хотя Управление учебными заведениями Наркомата юстиции (УУЗ НКЮ) СССР набрало необходимое количество студентов, война внесла свои коррективы. Тысячи преподавателей, сотрудников, студентов ушли на фронт. В СЮИ, к примеру, из 45 преподавателей осталось 15. Некоторые кафедры руководство вынуждено было закрыть, а предметы — исключить из учебного плана.

Число студентов юридических институтов значительно сократилось: с 5900 человек в 1940 г. до 2732 в 1941 г. и 2607 в 1942 г. Из стен юридических вузов в 1942 г. вышло 426 человек (в два раза меньше, чем в 1940 г.). В составе студентов преобладали женщины. Так, в СЮИ в последние годы войны среди 486 обучающихся было 37 мужчин, из которых 35 — инвалиды войны¹. Чтобы остановить снижение числа студентов, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 5 мая 1942 г. выпустили постановление, обязывающее вузы стабилизировать количество обучающихся. Очникам разрешили одновременно с учебой работать неполный рабочий день², а вузам предложили создавать подсобные хозяйства.

В первые дни войны оказались закрыты Минский и Харьковский юридические институты, юридические факультеты западных университетов. Московский юридический ин-

¹ История и современность. 75 лет Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2006. С. 16–19.

² Красногорский М. Готовить кадры юристов темпами военного времени // Соц. законность. 1941. № 7/8. С. 3.

ститут (МЮИ) объединили с Юридическим институтом прокуратуры СССР и эвакуировали в Алма-Ату, где к ним присоединили Алма-Атинский юридический институт. (Так появился Первый государственный юридический институт при НКЮ СССР.) Юридический факультет МГУ эвакуировали в Свердловск, ЛГУ – в Саратов. Из всех университетов Украины образовали один – Украинский университет (с юридическим факультетом), местом нахождения которого стала Кызыл-Орда (Казахстан). Юридический факультет Ростовского университета направили в Ошу (Киргизия). В марте 1942 г. Ленинградский юридический институт эвакуировали в Балашов (Саратовская область), а в сентябре 1942 г. в связи с наступлением немцев – в Джамбул (Казахстан).

Вузы работали с перебоями. Большинство студентов ушли на фронт. Оставшиеся строили оборонительные укрепления под Москвой, убирали урожай в Казахстане, строили ГЭС в Алма-Ате, проходили военную подготовку (в СЮИ ее прошли более 200 человек).

Но, как ни странно, эвакуация юридических вузов (особенно московских и ленинградских) сыграла положительную роль в поднятии уровня юридического образования на окраинах страны, в подготовке научных кадров. В Среднеазиатском государственном университете в годы войны работали видные ученые-юристы А. Н. Трайнин, А. Ф. Клейнман, В. М. Корецкий, Л. И. Дембо, В. И. Сливицкий и др. Из Москвы, Ленинграда и Минска на Урал приехали профессора А. П. Гагарин, С. Ф. Гофман, В. Н. Дурденевский, М. А. Дынник, И. И. Евтихийев, И. И. Крыльцов, Г. А. Курсанов, С. А. Розмарин. Численность профессорско-преподавательского состава в Свердловском юридическом институте выросла вдвое, благодаря чему СНК СССР в 1943 г. предоставил СЮИ право принимать к защите кандидатские, а в некоторых случаях и докторские диссертации. Именно тогда И. И. Крыльцов и Б. Б. Черепяхин защитили докторские диссертации, С. З. Дорфман, К. Я. Дьяконов, К. М. Мироненко – кандидатские.

Даже в самое тяжелое время (1941–1943 гг.) подготовка юридических кадров не останавливалась. В 1941 г. дипломы получили 426 молодых специалистов, а во втором полугодии 1942 г. предполагалось выпустить 460¹.

Чтобы высшие учебные заведения могли продолжать свою научную и учебную работу, Советское правительство оказывало им максимальную помощь. Постановлением СНК СССР от 15 сентября 1943 г. право на получение стипендии распространили на всех студентов, не имеющих академической задолженности, а отлично успевающим студентам размеры стипендий увеличили на 25 %. Профессорско-преподавательский состав снабжали продуктами по повышенным нормам, а студентов – наравне с рабочими.

На развитии высшего юридического образования в первые годы войны негативно сказалось ослабление деятельности УУЗ НКЮ² СССР (штат сокращен в два раза) и УУЗ НКЮ республик. Так, УУЗ НКЮ РСФСР осенью 1941 г. сократили до трех человек, а затем ликвидировали. В 1942 г. в составе Управления кадров НКЮ РСФСР создали отдел подготовки и переподготовки кадров (из одного работника). В июле 1943 г. УУЗ НКЮ РСФСР восстановили (штат – семь человек), открыв в нем отдел юридических вузов и школ, сектор заочного обучения и курсов. В годы войны НКЮ РСФСР выпустил около 50 приказов по юридическому образованию. Учебные вопросы обсуждали на коллегии наркомата.

Летом 1943 г. УУЗ НКЮ РСФСР провело комплексную проверку юридических заведений, расположенных в Саратове и Свердловске. Был восстановлен контроль за выполнением плана приема в юридические вузы и школы. Вновь начался подбор преподава-

¹ Красногорский М. Очередные задачи юридических институтов // Соц. законность. 1942. № 13/14. С. 16–18.

² УУЗ НКЮ занималось организацией приема студентов, проведением ревизий, разработкой программ, подбором кадров и т. д.

телей. Во второй половине 1943 г. Управление обследовало Красноярскую, Иркутскую, Ивановскую, Горьковскую и другие правовые школы, открывало школы, закрытые в 1941 г. (Заметим, что отделы подготовки и переподготовки кадров других наркоматов пришли в полный упадок и фактически не функционировали.)

Зимой 1943–1944 гг. Народный комиссариат государственного контроля (НКГК) СССР проверил четыре юридических института, две школы и Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ). После этого проверки институтов стали регулярными.

В годы войны возросло значение Военно-юридической академии. С 1939 по 1947 г. ее сотрудники выпустили 70 работ по военному праву. В стенах Академии работали такие известные юристы, как С. А. Голунский, Д. С. Карев, Л. Е. Лунев, М. С. Строгович, С. С. Студеникин. В августе 1943 г. в Военно-юридической академии возобновлено четырехлетнее обучение. Академия комплектовалась офицерами не старше 35 лет, которые занимали командирские должности, или были политработниками, или работали в судебных органах не менее двух лет, получили полное общее образование, окончили военное училище и обладали хорошим здоровьем. Состав Военно-юридической академии комплектовался Главным политуправлением Красной Армии через военные советы фронтов и округов. Академия включала основной (сухопутный) и (с 1943 г.) военно-морской факультеты, а также различные курсы. Студентам не читали земельное, колхозное право, особенную часть гражданского права. Административное, финансовое право и гражданский процесс преподавали поверхностно. Таким образом, военных юристов целенаправленно готовили к рассмотрению только уголовных преступлений. Они не только получали юридическое образование, но и проходили политическую и военную подготовку. В 1941–1942 гг. Академию окончили 3000 человек, из них 700 являлись выпускниками основного факультета¹.

Летом 1943 г. началась реэвакуация. В родные города возвратились Ленинградский и Московский юридические институты, Московский государственный университет (по решению СНК СССР в марте 1942 г. в нем был восстановлен юридический факультет). Осенью 1943 г. набор студентов произвел Харьковский юридический институт. Осенью 1944 г. открыт прием в Минский юридический институт. К концу войны функционировало девять юридических институтов системы НКЮ. В 1944 г. в институтах ввели четырехлетний срок обучения, а на юридических факультетах университетов – пятилетний. Учебный план факультетов содержал много как общенаучных (логика, история правовых и политических учений и др.), так и специально-правовых дисциплин. На IV–V курсах вводилась специализация студентов по одному из четырех циклов: государственно-правовому, международно-правовому, уголовно-правовому, гражданско-правовому².

Московский юридический институт активно восстанавливал свои корпуса, библиотеки, лаборатории, общежития, столовые. В 1944 г. штат института насчитывал 66 преподавателей (14 докторов наук и 26 кандидатов), среди которых были известные ученые – А. А. Пионтковский, И. С. Перетерский, С. В. Юшков. Занятия в институте начались в октябре 1943 г. Большинство студентов успешно сдавали экзамены. Возродилась аспирантура, стали проводиться научные сессии. В феврале 1944 г. впервые прошла Всесоюзная научно-методическая конференция преподавателей криминалистики. Заработали научные кружки. В 1944/45 учебном году в МЮИ обучалось 1800 человек (это больше, чем до войны).

В то же время погоня за увеличением количества студентов привела к массовому набору молодежи с низким уровнем знаний. Московская профессура во главе с А. А. Пионтковским и А. К. Стальгевичем выступила против навязанного им УУЗ НКЮ СССР малокомпетентного директора МЮИ И. И. Шелымагина. После серии жалоб ко-

¹ Зырянов И. М. Подготовка военных юристов // Учен. зап. ВИЮН. 1945. Вып. 4. С. 26–28.

² Шебанов А. Ф. Юридические высшие учебные заведения. М., 1963. С. 68.

миссия, в которую входили представители ЦК ВКП(б), НКГК СССР, СНК СССР, Прокуратуры СССР, ВКВШ, провела ревизию. Ее итоги обсуждались 6 и 7 февраля 1945 г. на расширенной коллегии НКЮ СССР. По рекомендации ЦК ВКП(б) было принято решение о примирении сторон и «совместном устранении недостатков». Озаботившись нуждами института, НКЮ СССР выпросил у СНК СССР 1 млн руб. на расширение штатов, проведение ремонта, повышение ставок преподавателей МЮИ.

План приема в юридические институты в 1944 г. по стране составил 2060 человек. Общее число студентов в них в 1945 г. достигло 6550. Возросла научная активность вузов. Методический совет НКЮ СССР (с лета 1944 г. — Научно-методический совет) утвердил основные положения, которыми руководствовались институты при составлении ежегодных планов НИР. 18 февраля 1944 г. СНК СССР принял Положение о научно-исследовательской деятельности вузов. Она включала проведение исследований, разрешение научных проблем, выполнение научных работ, подготовку монографий и т. д. Сводный план научных работ утверждал нарком¹.

С началом войны НИИ органов юстиции пришли в упадок. Институт права Академии наук СССР (ИП АН СССР) в июле 1941 г. эвакуировался в Ташкент. В годы войны его возглавлял А. Н. Трайнин. Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН) был эвакуирован в Чкалов (Оренбург). НИИ занимались в основном проблемами военного времени. Так, в ВИЮН организовали военную секцию, которая разрабатывала военно-уголовное право. Сотрудники института помогали работникам военной юстиции. Кроме того, в ВИЮН начали действовать секции гражданского и административного права. В мае 1942 г. институт провел Третью научную сессию. В целом же активность институтов уменьшилась. Прекратился набор аспирантов. В первые годы войны в ВИЮН было защищено только две докторские диссертации, в ИП АН СССР — четыре. Выпуск новых учебников почти прекратился, преимущественно переиздавались старые. На коллегии НКЮ СССР 14 июля 1943 г. начальник УУЗ наркомата и нарком Н. М. Рычков подвергли работу ВИЮН жесткой критике².

Результатом заседания коллегии стало принятие 31 августа 1943 г. нового Положения о ВИЮН (старое действовало с 1938 г.), которое более подробно регламентировало деятельность института. Согласно ему ВИЮН, помимо разработки отдельных отраслей права и составления учебных пособий, должен был обобщать судебную практику органов юстиции, составлять пособия для судей и «выполнять иные задания НКЮ СССР» (вплоть до систематизации законодательства СССР и республик). Таким образом, институту передавались не только научно-учебные функции, но отчасти и полномочия органов судебного управления и кодификации. В ВИЮН входили секции уголовного права и процесса, гражданского права и процесса, трудового права, государственного и административного права, военного права, библиотека, хозчасть. Структуру, смету и штаты утверждал НКЮ СССР, старших научных сотрудников и членов Ученого совета — Всесоюзный комитет по делам высшей школы. Как отмечалось, в 1943 г., после реэвакуации институтов, их деятельность активизировалась. В конце войны в ВИЮН докторские диссертации защитили шесть человек³.

В военный период особенно сильно пострадало высшее заочное юридическое образование. Выпустив в 1941 г. лишь 251 студента, ВЮЗИ прекратил работу. После того как коллегия НКЮ СССР в ноябре 1941 г. обязала УУЗ восстановить его филиалы, он возобновил свою деятельность. Однако в течение 1942 г. заочное образование переживало упадок. ВЮЗИ выпустил всего 160 студентов, учебные планы не выполнялись, количество обучающихся было неизвестно, занятия постоянно срывались, отчетность отсутствовала и т. д.

¹ Москаленко Г. Научно-исследовательская работа юридических институтов // Соц. законность. 1944. № 3/4. С. 8–9.

² Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. М., 1976. С. 75–76, 114–134.

³ Кожевников М. В. История советского суда. М., 1948. С. 357.

Постепенно ситуация стабилизировалась: число филиалов ВЮЗИ к январю 1943 г. достигло 17, а к 1945 г. — 27. Филиалы организовывали в освобожденных Киеве, Минске, Симферополе, Кишиневе, Риге. В 1943/44 учебном году в них обучались 2363 человека, в 1944/45 — 3945. В 1943 г. диплом защитило 200 студентов, в 1944 г. — 330, в 1945 г. — 500. Резкое увеличение числа студентов обострило старые проблемы заочного образования: не хватало преподавателей, учебников. Осенью 1944 г. директоров 20 филиалов вызвали в Москву, где заслушали их отчеты о проделанной работе.

В начале войны продолжало сокращаться и среднее юридическое образование. В 1942 г. в РСФСР осталось 16 юридических школ, выпустивших 400 слушателей (по СССР — чуть более 1000). Восстановление среднего юридического образования началось в 1943 г. Число школ в РСФСР выросло до 20, в СССР — до 28. В 1944 г. по постановлению СНК СССР от 12 июня восстановили школы в Ленинграде, Ростове-на-Дону и закрыли в Астрахани, Архангельске и Иванове. Вновь заработали юридические школы в Харькове, Одессе, Киеве, в других республиках. Вводился отбор лиц, направляемых в них по путевкам управлений НКЮ и прокуратуры (как правило, будущие студенты уже работали в органах юстиции). В 1944 г. в юридических школах СССР обучались 2647 человек¹.

Согласно данному постановлению школы необходимо было обеспечить учебными помещениями, оборудованием, общежитиями, топливом, постелями, посудой и бумагой. Для повышения квалификации преподавателей школ УУЗ НКЮ СССР организовывало семинары. В конце войны возобновился выпуск учебников. В 1945 г. вышла серия актов, регулирующих деятельность школ. Среди них Положение об экзаменах в юридической школе, Правила приема в юридические школы, Положение об экстернате при юридических школах. Последнее имело огромное значение, так как большинство слушателей не могло посещать занятия и экстернат являлся единственным выходом из такой ситуации.

Катастрофическое падение пережило и среднее заочное юридическое образование. Накануне войны в заочных школах обучалось почти 10 тыс. человек, а в 1941 г. принят только 41 % запланированных слушателей. По приказам НКЮ СССР были закрыты консультационные пункты школ в западных районах СССР. В Центральной заочной юридической школе (ЦЗЮШ) РСФСР прекратили работу 20 консультационных пунктов. В 1941 г. из 25 директоров школ сменился 21. ЦЗЮШ в ноябре 1941 г. эвакуировали в Свердловск. Учебный год начался в декабре. Сессия в 1941/42 учебном году не проводилась. В первом полугодии 1942 г. из школы ушло (большинство в Красную Армию) около 800 слушателей. К 1 июля 1942 г. ЦЗЮШ имела 34 консультационных пункта. Но вскоре открылось еще 14. По данным ЦЗЮШ, общее количество слушателей в 1944 г. достигло 6950 человек (реально их было значительно меньше).

В 1944 г. реорганизация системы юридического образования коснулась и заочного образования. 21 сентября 1944 г. вышло постановление СНК РСФСР «О переподготовке судебно-прокурорских работников». ЦЗЮШ РСФСР и консультационные пункты ликвидировали. В УУЗ НКЮ РСФСР создали отдел заочного обучения. Консультационные пункты передали в подчинение юридическим школам. Постановление обязало народных судей, членов областных судов, работников НКЮ РСФСР, имеющих образование не ниже семи классов, окончить заочные отделения юридических школ в течение двух лет, а не получивших семилетнего образования — в течение трех лет².

Обстановка военного времени способствовала возобновлению и развитию мобильной курсовой подготовки юристов. Количество курсов увеличилось, время обучения на

¹ Коди́нцев А. Я. Проведение организационных мероприятий по развитию системы юридического образования в СССР накануне Великой Отечественной войны // Юрид. образование и наука. 2007. № 2. С. 37–42.

² Басавин И. А. О недостатках в работе народных судов и органов НКЮ РСФСР // Соц. законность. 1945. № 10. С. 20.

них сократилось. В июле 1942 г. НКЮ РСФСР организовал в ряде городов России двух-, четырех-, шестимесячные курсы. Правда, они оказались неэффективны. Эвакуированные наркоматы проводили курсы, готовя работников юстиции для освобожденных районов СССР. Так, НКЮ УССР и БССР в 1942–1943 гг. в Куйбышеве проводили курсы для судебных работников. НКЮ Литовской ССР организовало в декабре 1942 г. в Чкалове (Оренбурге) курсы для судебно-прокурорских работников Литвы. В феврале 1944 г. такие же курсы действовали в Горьком, а с ноября 1944 г. – в Вильнюсе¹.

В военных условиях сильно замедлился и темп научных исследований. Еще раз отметим, что во многих эвакуированных вузах страны прекратился прием в аспирантуру. В 1941 г. в СССР насчитывалось всего 242 аспиранта-юриста, поступивших в аспирантуру еще до войны, в вузах работали 27 докторов и 102 кандидата юридических наук².

Из изложенного видно, что суровые условия Великой Отечественной войны затормозили развитие юридического образования и науки в стране, но даже в самые тяжелые годы система юридического образования продолжала действовать.

Во время войны резко снизился уровень подготовки специалистов-юристов, большинство опытных преподавателей юридических вузов ушли на фронт. В 1941–1945 гг. среди студентов преобладали девушки.

Научные исследования в области юриспруденции были заторможены, издавалось мало монографий и иной научной литературы.

Вместе с тем благодаря эвакуации многих ведущих вузов вглубь страны удалось поднять уровень юридического образования в Средней Азии, Казахстане, Сибири и на Урале. Ведущие педагоги-юристы, не призванные в РККА, отдавали все свои силы и знания подготовке юридических кадров на местах.

Библиография

Басавин И. А. О недостатках в работе народных судов и органов НКЮ РСФСР // Соц. законность. 1945. № 10.

Зырянов И. М. Подготовка военных юристов // Учен. зап. ВИЮН. 1945. Вып. 4.

История государства и права БССР (1937–1970 гг.): в 2 т. Минск, 1973. Т. 2.

История и современность. 75 лет Уральской государственной юридической академии. Екатеринбург, 2006.

Кодинцев А. Я. Проведение организационных мероприятий по развитию системы юридического образования в СССР накануне Великой Отечественной войны // Юрид. образование и наука. 2007. № 2.

Кожевников М. В. История советского суда. М., 1948.

Красногорский М. Готовить кадры юристов темпами военного времени // Соц. законность. 1941. № 7/8.

Красногорский М. Очередные задачи юридических институтов // Соц. законность. 1942. № 13/14.

Москаленко Г. Научно-исследовательская работа юридических институтов // Соц. законность. 1944. № 3/4.

Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. М., 1976.

Шебанов А. Ф. Юридические высшие учебные заведения. М., 1963.

Bibliography

Basavin I. A. O nedostatках v rabote narodnyx sudov i organov NKYu RSFSR // Soc. Zakonnost'. 1945. № 10.

Istoriya gosudarstva i prava BSSR (1937–1970 gg.): v 2 t. Minsk, 1973. T. 2.

Istoriya i sovremennost'. 75 let Ural'skoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. Ekaterinburg, 2006.

¹ История государства и права БССР (1937–1970 гг.): в 2 т. Минск, 1973. Т. 2. С. 262.

² Еженедельник советской юстиции. 1941. № 16. С. 2–3.

Kodincev A. Ya. Provedenie organizacionnyx meropriyatij po razvitiyu sistemy juridicheskogo obrazovaniya v SSSR nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny // Yurid. obrazovanie i nauka. 2007. № 2.

Kozhevnikov M. V. Istoriya sovetskogo suda. M., 1948.

Krasnogorskij M. Gotovit' kadry yuristov tempami voennogo vremeni // Soc. zakonnost'. 1941. № 7/8.

Krasnogorskij M. Ocherednye zadachi juridicheskix institutov // Soc. zakonnost'. 1942. № 13/14.

Moskalenko G. Nauchno-issledovatel'skaya rabota juridicheskix institutov // Soc. zakonnost'. 1944. № 3/4.

Ocherki po istorii juridicheskix nauchnyx uchrezhdenij v SSSR. M., 1976.

Shebanov A. F. Yuridicheskie vysshie uchebnye zavedeniya. M., 1963.

Zyryanov I. M. Podgotovka voennyx yuristov // Uchen. zap. VIYuN. 1945. Vyp. 4.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *Н. Н. Рассохина, Т. А. Шиловских*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано к использованию 29.09.15.
Уч.-изд. л. 4,50.
Объем 0,82 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru